

О ПОСТИЖЕНИИ ВОСТОЧНО-ПРУССКОГО ГОРОДА ПОСЛЕ 1945 ГОДА. СООТНОШЕНИЕ ЕГО ВОСПРИЯТИЙ ВО ВСЕСОЮЗНОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ, ЛОКАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ЗНАЧЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КЛАЙПЕДЫ

Василиус Сафроновас

ABSTRACT

Like many other towns in East Prussia, Klaipėda lost almost all its former population during World War II and was inhabited by newcomers after 1945. After an example of Klaipėda, the article analyzes the process of comprehension of a newly inhabited area and making it one's own. Klaipėda became a former East Prussian city having returned to Lithuania and simultaneously incorporated into the Soviet Union. That caused the clash of interests, the development of which also changed the systems of meanings that provided a framework for the appropriation process. The city was gradually comprehended in the process of formation of unique interrelationships of the meanings of Soviet ideology, all-Union patriotism, Lithuanian national culture, and East Prussian cultural heritage. In the article, the author identifies the processes that affected different configurations of the said interrelationships in different post-war periods.

KEY WORDS: Klaipėda, East Prussia, Soviet ideology, Lithuanian nationalism, Lithuania Minor, East Prussian cultural heritage, symbolic appropriation.

ANOTACIJA

Kaip ir daugelis kitų Rytų Prūsijos miestų, Klaipėda per Antrąjį pasaulinį karą neteko beveik visų senųjų gyventojų ir po 1945 m. buvo apgyvendinta naujakurių. Šio miesto pavyzdžiu straipsnyje analizuojama, kaip pokariu vyko jų naujai apgyvendintos erdvės suvokimas ir pavertimas sava. Klaipėda tapo buvusiu Rytų Prūsijos miestu, grįžusiu į Lietuvos sudėtį, bet kartu įtrauktu į Tarybų Sąjungą. Tai formavo interesų sandūrą, dėl kurios plėtojimosi keitėsi ir reikšmių sistemos, kurių rėmuose galėjo vykti pasisavinimo procesas. Miestas buvo perprantamas formuojantis savitiems tarybinės ideologijos, visasąjunginio patriotizmo, lietuvių nacionalinės kultūros ir Rytų Prūsijos kultūros paveldo reikšmių sąryšiams. Autorius straipsnyje atskleidžia, kokie procesai darė įtaką skirtingoms šių sąryšių konfigūracijoms skirtingais pokario periodais.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Klaipėda, Rytų Prūsija, tarybinė ideologija, lietuvių nacionalizmas, Mažoji Lietuva, Rytų Prūsijos kultūros paveldas, simbolinis pasisavinimas.

Dr. Vasilijus Safronovas, Klaipėdos universiteto

Baltijos regiono istorijos ir archeologijos instituto vyresnysis mokslo darbuotojas /

старший научный сотрудник Института истории и археологии Балтийского региона

Клайпедского университета

Herkaus Manto g. 84, LT-92294 Klaipėda

El. paštas: safronovas@gmail.com

Известно, что Клайпедский (Мемельский) край стал единственной территорией Восточно-Прусской провинции, которая, следуя условиям Версальского мира, в январе 1920 г. была отделена от Германии. Специфика этого края, по сравнению с другими территориями Восточной Пруссии, заключалась, главным образом, в составе населения. Эксперты Британского МИДа, в 1919 г. информировавшие делегацию Великобритании на Парижской конференции, подтверждали, что к северу от реки Неман жило преимущественно литовскоязычное население.

ние, которое, за исключением самого порта Мемеля, составляло более 50 % жителей края¹. Для Литовского государства, в 1918–1919 г. обосновывавшего свои претензии на Клайпедский порт, этот факт стал главным аргументом. Однако население края в основном состояло из людей евангелического вероисповедования, бывших лояльных подданных кайзера, многие из которых сдержанно оценивали возможность присоединения края к Литве или же не имели по этому поводу четкого мнения. Именно поэтому в начале 1923 г. Литве пришлось осуществлять свои претензии, совершая в Клайпедском крае военный переворот и достигая дипломатическими маневрами официальной передачи мандата на администрацию края из рук стран Антанты в руки Литвы². В течение 1923–1939 гг. Клайпедский край входил в состав Литвы на правах автономии. С одной стороны, такой статус края, будучи звеном Версальской системы, предопределял повышенное внимание стран-гарантов на ситуацию в регионе (гарантами статуса выступали Великобритания, Франция, Италия и Япония), с другой стороны, на протяжении всего периода позволял Германии неофициально поддерживать и финансировать в Клайпедском крае анти-интеграционную деятельность местных политических и общественных движений. Экономическая, а частично и политическая зависимость Литвы от Германии вплоть до 1932–1934 гг. была одним из главных барьеров, не позволявших Литве произвести форсированную интеграцию края. Попытка совершить такую интеграцию в 1934–1935 гг. закончилась для Литвы крахом, ибо крушение Версальской системы, в конце концов, оставило ее один на один с Германией, становившейся в свою очередь все более влиятельной. Начиная с 1935 г. Литва постепенно уступала свои позиции, а последовавшая 1 ноября 1938 г. отмена военного положения, введенного в Литве после государственного переворота в 1926 г., окончательно подорвала возможность контролировать ситуацию в Клайпедском крае, присоединение которого к Германии тогда уже стало лишь вопросом времени. Неудивительно, что его аннексия, совершенная 22–23 марта 1939 г., практически никакой реакции в Европе не вызвала.

По вышеуказанным причинам большинство жителей Клайпедского края на протяжении всего периода 1923–1939 гг. продолжало культурно и политически ориентироваться на Германию. Результаты выборов в местные автономные органы власти, а также успехи по сплочению жителей на основе идей автономии и культурных особенностей края (так называемого «мемельланддеризма»), свидетельствовали о значительном перевесе идей, которые а) плотно спланировали старожилов края (немцев и литовцев) на фоне интеграционных аспираций Литвы, б) обеспечивали нахождение последних в коммуникационной среде Восточной Пруссии. Все это позволяет предполагать, что «возврат» края в состав Германии в 1939 г. не вызвал особой неудовлетворенности со стороны местного населения, тем более, что группы населения, настроенные очевидно пролитовски – евреи и литовцы, особенно прибывшие в край после 1923 г., – в конце 1938 г. – начале 1939 г. территорию края покинули.

Итак, амбиции по освоению этой части Восточной Пруссии до 1939 г. так и не удалось осуществить. Невзирая на это, сам факт принадлежности Клайпедского края к Литве, а также то, что эта принадлежность была санкционирована странами Антанты, в пользу которых Германия отказалась от суверенных прав в 1919 г., способствовал тому, что возврат края в состав Литвы в 1944–1945 гг. выглядел закономерно. В отличие от статуса Кёнигсберга,

¹ *East and West Prussia* (Handbooks prepared under the direction of the Historical Section of the Foreign Office, No. 34). [s. l.], 1919, p. 11.

² Подробнее см.: SAFRONOVAS, V. Die Tilsiter Akte und der „Aufstand“ als Symbole des Legitimationsmythos. *Annaberger Annalen*, 2009, Nr. 17, S. 5–40.

который неоднократно обсуждался на высшем уровне представителями союзных держав, вопрос послевоенного статуса Клайпеды во время войны не поднимался³. Это можно объяснить тем, что 12 сентября 1944 г. представители трех союзных держав – США, Великобритании и СССР – заключили в Лондоне протокол о зонах оккупации в послевоенной Германии⁴, первый пункт которого, ставший основой для дальнейших переговоров в Ялте и в Потсдаме, гласил, что Германию союзники воспринимают в границах, существовавших на 31 декабря 1937 года. Такое положение соответствовало политике непризнания позже проведенных Германией аннексий, которую следует рассматривать в качестве определенного рода попытки союзников «сохранить лицо» (ввиду Мюнхенского пакта и в августе 1939 г. заключенного договора между Германией и СССР о разделе зон влияния в Восточной Европе). Учитывая возникновение такого положения, неудивительно, что партийное руководство Литовской ССР занялось образованием состава гражданской администрации Клайпедского края сразу после того, как в начале октября 1944 г. получило на это неофициальную санкцию Сталина⁵.

Казалось бы, условия для интеграции этой территории в состав Литвы после 1944–1945 гг., по сравнению с периодом 1923–1939 гг., были гораздо положительнее. Во-первых, руководства Литовской ССР, которое находилось в «орбите» Кремля и опиралось на геополитическую силу СССР, теперь не ограничивала зависимость от Германии. Германия утратила свое значение в качестве фактора геополитической силы, которым она пользовалась в отношении интеграционной политики Литвы в Клайпедо до 1939 г. Она перестала быть фактором, с существованием которого надо было считаться. Во-вторых, во второй половине 1944 г. – начале 1945 г. территорию Клайпедского края покинуло, по приблизительным подсчетам, около 85–90 % бывшего населения (после войны возвратились немногие). Это означало, что нелояльных, ориентировавшихся на Германию жителей на территории Клайпедского края практически не осталось, а руководство Литовской ССР, поощряя переселение новоселов на льготных условиях, могло ожидать, что новые жители края будут вечно признательны и поэтому лояльны новому режиму. Однако все это еще вовсе не означало, что процесс присвоения вновь обретенного пространства, его превращения в свою территорию будет развиваться по траектории, заданной режимом.

³ Исключение, связанное с Тегеранской конференцией, подтверждает лишь советская публикация ее материалов, в которой, возможно, перепутано название реки Мемель (Неман) и города Мемель. В протоколе США, например, зафиксировано, что Сталин говорил лишь о «территориях на левом берегу Немана, включая Тильзит и Кёнигсберг», т. е. Клайпеды (Мемеля) не упоминал. Сравни: UNITED STATES DEPARTMENT OF STATE. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers: The Conferences at Cairo and Teheran, 1943*. Washington (D. C.), 1961, p. 604; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании 28 ноября – 1 декабря 1943 г. Москва, 1984, с. 150.

⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 года и 2 сентября 1945 года. Москва, 1955, с. 55–57; COMMITTEE ON FOREIGN RELATIONS. *Documents on Germany, 1944–1959. Background Documents on Germany, 1944–1959, and a Chronology of Political Developments Affecting Berlin, 1945–1956*. Washington (D. C.), 1959, pp. 1–3.

⁵ Об устно переданном согласии Сталина на присоединение края к Литовской ССР в своих воспоминаниях упоминал как первый секретарь КП(б) Литвы Антанас Снечкус, так и председатель президиума Верховного совета Литовской ССР Юстас Палецкис. Сравни: [Стенограмма встречи А. Снечкуса с художниками г. Вильнюс, 1973 г.]. *Lietuvos ustatymas archyvas (Особый архив Литвы, далее LYA)*, f. 3377, ap. 51, b. 80, l. 15; ПАЛЕЦКИС, Ю. *В двух мирах*. Москва, 1974, с. 442–443.

Задачи, которые предстояло решить в ходе этого процесса на территории Клайпедского края, немногим отличались от остальной части упраздненной Восточной Пруссии. На всем ее пространстве новоселам было актуально, с одной стороны, выработать чувство уверенности в стабильности политического и социального порядка, уверенности в том, что новый дом домом и останется, а с другой, создать общность между собой и этим домом. Данная статья является попыткой показать, какими способами (сразу надо заметить, неоднородными) решались эти задачи в Клайпедском крае. На примере города Клайпеды, который берется в фокус исследования из-за того, что именно города являются местами интенсивной коммуникации и именно в них наиболее ярко отражаются попытки символического конструирования реальности, в статье будет показано, что в течение советского периода не было единого, преобладающего способа поощрения создания этих чувств. Ответ на вопрос, чем станет Клайпеда для ее новых жителей, т. е. как (в какой системе значений) она будет ими восприниматься, во многом зависел от того, в каком контексте мышления новоселы будут воспринимать этот город. В статье предпринята попытка представить эти контексты или системы значений, в рамках которых происходило восприятия себя и которые предлагали разные восприятия того, кем являемся «мы» и каково «наше» отношение с Клайпедой.

Предлагаемое автором выделение трех такого рода систем значений – всесоюзной, национальной и локальной – на самом деле, является искусственным. Как покажет и данная статья, всесоюзные значения не могли существовать без национальных, а национальные – без локальных. Все же в аналитических целях такая классификация целесообразна, ибо особенность послевоенной Клайпеды в контексте Восточной Пруссии, на мой взгляд, как раз и заключалась в своеобразной расстановке и переплетении указанных систем значений.

«Клайпеда наша! Литовская земля полностью очищена от немецких захватчиков!»

Официоз Литовской ССР «Советская Литва» на второй день после занятия Клайпеды советскими войсками вышла с переполненными воодушевлением статьями, основное содержание которых гласило отнюдь не только о самом факте «освобождения». В заголовках и в содержании статей было более чем конкретно сформулировано то, что можно назвать литовской стратегией присвоения Клайпеды, характерной для первых послевоенных лет. Все, начиная с приказа Сталина, в котором говорилось, что «освобожден» именно «литовский город Клайпеда (Мемель)», и, кончая участниками митинга на вильнюсской швейной фабрике по поводу «освобождения» Клайпеды, которые произнесли: «Наши братья из Клайпеды свободны»⁶, гласило о том, что это не просто «освобождение», а окончательное «освобождения» литовской земли. Иными словами, постулаты, гласившие, что это а) освобождение, б) литовского города и в) что этим закончено освобождение всей Литвы, появились в печати Литовской ССР с самого начала.

Такие постулаты выражали преобладавшую в окружении режима Литовской ССР попытку поощрять вышеупомянутое чувство уверенности, опираясь на факт принадлежности края Литве в течение 1923–1939 гг. и изображая ситуацию, сложившуюся в 1945 г., как естественную преемственность указанного периода. Необходимых для поддержания преемственности старожилов края, не эвакуированных вместе с Вермахтом или репатрированных после войны, осталось не так уж много. Все же, как писал в своих воспомина-

⁶ См.: *Советская Литва*, 30.1.1945, № 16 (454).

ниях первый председатель Клайпедского исполкома (1945–1946 гг.), Викторас Бергас, «в первую очередь» в опустошенный послевоенный город прибыли те клайпедчане, которые были обязаны покинуть его в 1939 г. в связи с аннексией⁷. Следует добавить, что среди них были не только рабочие, но и многие представители литовской интеллигенции межвоенной Клайпеды (учителя и пр.), которые прибыли в знакомую им среду, воспринимали Клайпеду, связывая настоящее с ситуацией до 1939 г. и естественно пытаясь воссоздать то, чего не хватало настоящему. Первые представители исполнительной власти, посланные в Клайпеду, как утверждал В. Бергас, хоть знали о ней немного, все же «пытались как можно больше прочесть о Клайпедке, познакомиться с бывшими городскими уставами, законами», они «изучали географическое положение края [...] Помню, мы перелистали, прочли десятки книг, пока составили характеристику города»⁸.

Символическая преемственность периода принадлежности Клайпеды к Литве конструировалась и принятым в апреле 1945 г.⁹ решением обозначить улицы и площади города, за исключением отдельных случаев, литовскими названиями, которые употреблялись до 1939 г.¹⁰ Преемственность подчеркивалась даже в работах по расчистке разрушенных домов. Каждый их участник получал персональную отчетную книжку с таким лозунгом: «Из пепла и развалин восстановим *наш родной город!*» [курсив мой – В. С.]¹¹, а пропагандисты изображали расчистку так, как будто она означала: с довоенной Клайпедой, в которой господствовали «немцы с надутыми животами»¹², покончено. Иными словами, обращение к факту довоенной принадлежности Клайпедского края к Литве сразу после войны предпринималось неоднократно, и преимущественно для того, чтобы создать легитимность присоединению Клайпеды к Литве и уверенность в том, что в состав Германии она уже не вернется.

Подобной стратегии весьма сопутствовала позиция сторонников режима Литовской ССР, занятая по отношению к истории Малой Литвы. Не было никаких препятствий к тому, чтобы довоенные исторические образы и сюжеты, связанные с Малой Литвой, далее поддерживались. Националистический канон ее истории состоял из сюжетов о единстве всех балтов и их многовековой борьбе против Тевтонского ордена и об угнетении литовцев Пруссии, их германизации и борьбе против нее¹³. Довоенная история о «борьбе» малолитовцев против их вечных угнетателей немцев, переключенная из национального конфликта в конфликт национально-социальный, использовалась далее, особенно в годы войны, когда эта история стала частью советской антинемецкой пропаганды. Одной из основных фигур в данном случае стал поэт Кристийонас Донелайтис, который, несмотря на свою деятельность

⁷ [Рассказ В. Бергаса]. *Tarybinė Klaipėda* (далее ТК), 1974 12 05, Nr. 284 (8251).

⁸ Pirmieji laisvo gyvenimo mėnesiai. *Lietuvos žvejsys*, 1970 01 14, Nr. 6 (1832).

⁹ Vykdomojo komiteto nutarimas Nr. 7 Dėl miesto gatvių pavadinimų patvirtinimo, 1945 04 02. *Klaipėdos apskrities archyvas* (*Архив Клайпедского округа*, далее KЛАА), f. 104, ap. 1, b. 1, l. 5.

¹⁰ В течение 1924–1939 гг. улицы и площади города Клайпеды имели немецкие и литовские названия, которые использовались параллельно. Большинство литовских названий являлись переводами названий с немецкого языка. Лишь десять названий не совпадало. В большинстве случаев «альтернативные» литовские названия получили те улицы, значение которых символизировало бывшую принадлежность города к Пруссии / Германии.

¹¹ VENCLOVAITĖ, E. G.; MATUTYTĖ-BEKERIENĖ, I. D. *Pokariu prie Baltijos*. Vilnius, 2005, p. 4.

¹² PAKALNIS, J. Čia bus centrinė miesto aikštė. *Raudonasis Švyturys*, 1946 06 25, Nr. 79 (81); PAKALNIS, J. Atkuriame savo miestą. *Raudonasis Švyturys*, 1946 07 16, Nr. 95 (97).

¹³ Подробнее смотри: SAFRONOVAS, V. Bandydas formuoti alternatyvą: lietuviškojo didžiojo istorinio pasakojimo aktualizavimas Prūsijos Lietuvoje XIX–XX amžių sandūroje. In *Daugiareikšmės tapatybės tarpuerdvėse: Rytų Prūsijos atvejis XIX–XX amžiais* (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XXIII). Sud. V. SAFRONOVAS, N. STRAKAUSKAITĖ, L. MOTUZIENĖ. Klaipėda, 2011, p. 69–103.

(был в первую очередь священником), стал особенно актуальным символом в качестве создателя грозного предупреждения литовцам не поддаваться влиянию «немецких захватчиков»¹⁴. Становление К. Донелайтиса обязательной составляющей школьной программы в Литве произошло именно в советский период. Символ К. Донелайтиса в данном случае разделял судьбу другого священника Мартинаса Мажвидаса, составителя первой книги на литовском языке, которая в 1547 г. была отпечатана в Кёнигсберге и 400-летие которой торжественно отмечалось в Литве в 1947 г.¹⁵ Обе личности, несмотря на то, что проживали и работали в Прусской Литве, в советский период были национализированы и стали «общелитовскими».

Пользуясь повышенным вниманием, исторические фигуры, связанные с Малой Литвой, в первые послевоенные годы «увековечивались» в Клайпеде, таким образом, в определенном смысле становясь опознавательными знаками, обозначающими, что здесь – Малая Литва. В 1948 гг. после утверждения в Верховном Совете Литовской ССР новых названий улиц города, в Клайпеде появилась не только улица М. Мажвидаса (К. Донелайтис таким образом уже был увековечен в 1945 г., как и Геркус Мантас, один из вождей прусского восстания 1260–1274 гг.), но и улицы Витаутаса и Жальгириса¹⁶ (названия, связанные с сюжетом о борьбе литовцев против Тевтонского ордена). В таком контексте изречение писательницы Клайпедского края Евы Симонайтите, высказанное по поводу занятия Клайпеды в 1945 г., «Малая Литва под советским стягом возвращается к своему исконному корню – к Большой Литве.»¹⁷, казалось нормой.

Оно, между прочим, выражает одну из немногих поправок, которую следовало ввести в традиционные литовские сюжеты об истории Малой Литвы. За Красной армией и за СССР в обязательном порядке надо было признать роль освободителя и друга. Эту задачу, разумеется, облегчал факт, что в рядах «освободителей» города в 1945 г. была и 16-ая «литовская» стрелковая дивизия, участие которой в военной операции, кстати, было вопросом сугубо политическим. Перед началом наступления на Клайпеду дивизия была переброшена в ее окрестности по просьбе председателя президиума Верховного совета Литовской ССР Юстаса Палецкиса¹⁸, а в ходе операции именно ей, т. е. «литовской» дивизии, было суждено первой вступить в город, опустошенный Вермахтом. Не случайно роль этой дивизии, когда позже отмечались годовщины «освобождения», часто выделялась отдельно, а роль «освободителя» Клайпеды безо всяких сомнений приписывалась Советской армии. Так, в 1946 г. на одном из воинских кладбищ города, которые в литовской печати были названы «кладбищем павших за свободу Клайпеды», предлагалось возвести памятник Свободе¹⁹. Похожий памятник в виде красноармейца возник в городе около 1949 г. с надписью: «Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины» [курсив мой – В. С.]. Таким образом, Клайпедский край, несмотря на то, что до 1944–1945 гг. входил в состав Германии и исторически был связан не только с литовской, но и с немецкой культурой, воспринимался исключительно как литовская земля, Родина, «наше», «освобожденное», правда, лишь благодаря Советскому Союзу и Советской армии. В этом смысле система значений, которая

¹⁴ MAČIULIS, D. Lietuvių kolektyvinės atminties vaizdiniai sovietinėje propagandoje Sovietų Sąjungos-Vokietijos karo metu. *Lietuvos istorijos metraštis*, 2010/ 2. Vilnius, 2011, p. 93–112, тут p. 106.

¹⁵ Об этом смотри: ŽUKAS, V. Lietuviškos knygos 400 metų sukakties minėjimas. *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Knygotyra*, 1988, t. 15 (22), Šaš. 1: *Lietuvos knygotyrynė mintis ir jos kūrėjai*, p. 85–96.

¹⁶ CIBAS, A. Pakeisti Klaipėdos miesto gatvių pavadinimai. *Raudonasis Švyturys*, 1948 05 25, Nr. 122 (642).

¹⁷ СИМОНАЙТИТЕ, Э. Родимый край. *Советская Литва*, 30.1.1945, № 16 (454).

¹⁸ Сравни: ПАЛЕЦКИС, Ю. Op. cit., с. 442.

¹⁹ *Raudonasis Švyturys*, 1946 03 12, Nr. 19 (21).

здесь рассматривается, не была полностью национальной. Национальный компонент в ней интегрировался с советским, но советский чаще всего не воспринимался в качестве всесоюзного. Т. е. происходила интеграция литовского национализма и советской идеологии, но проблема заключалась в том, что свою монополию на содержимое советской идеологии еще до начала войны ввел всесоюзный патриотизм.

По сути, степень зависимости советской идеологии от литовского национализма, с одной стороны, и от всесоюзного патриотизма с другой стала проблемой, когда в развитии легитимирующего дискурса все более заметную роль начали играть нелитовскоязычные кадры, присланные в Литву из разных регионов СССР и не имевшие эмоциональных связей ни с довоенной деятельностью коммунистов в Литве, ни с Литвой или Клайпедой вообще. Как увидим, они использовали совершенно иную стратегию, в которой не было места символам литовской национальной культуры. Кроме того, само выделение «литовскости» они считали в лучшем случае избыточным, а в худшем – проявлением корней «буржуазного национализма». Факт, что именно люди, отличавшиеся декларированием таких взглядов, в течение нескольких послевоенных лет взяли на себя заботу о «стерильности» дискурса в Литве, а особенно в Клайпеде, где русскоязычные в первые послевоенные годы преобладали²⁰, не был случайностью. Это было связано как с демобилизацией бывших военных, в том числе и представителей пропагандистского аппарата (а многие русскоязычные поселились в Клайпедо именно после демобилизации), так и с общими тенденциями.

Около 1947–1949 гг. Советский Союз предпринял усилия закрепить за собой «освобожденную» Восточную Европу, в одной ее части создавая систему сателлитных государств и «Восточный блок», а в другой, как например в Литве, осуществляя метод строительства «социализма в одной стране», основными элементами которого стала, с одной стороны, коллективизация и «раскулачивание» с ссылками в Сибирь, а с другой давление на развитие крупной промышленности. Усилия по интеграции военной «добычи» требовали максимальной «стерильности» дискурса, преобладания в нем на сотворение «светлого будущего» в рамках СССР направленной советской идеологии и расторжения связей с прошлым. Далее последовала связанная с изоляцией двух блоков на геополитической арене кампания «борьбы с космополитизмом», которая подразумевала и усиление позиций всесоюзного патриотизма. Все это объясняет, почему 1949–1951 гг. в Литве (и в Клайпедо) стал периодом наиболее интенсивного уничтожения «буржуазных» и «клерикальных» символов, а также наполнения общественных пространств символами советской идеологии, связанными именно с всесоюзным патриотизмом.

Правда, примеры противопоставления советско-литовской и советско-всесоюзной стратегии присвоения Клайпеды заметны и до того (что связано с уже упомянутым фактором – преобладанием русскоязычных в местной партийной организации и номенклатуре первых послевоенных лет). Директор гимназии № 1 для литовскоязычных Эдуардас Ингаунис в 1947 г. написал письмо председателю исполкома Йонасу Кардашевичюсу с просьбой вернуть гимназии ее довоенное название – имя Витаутаса Великого. Свое предложение ди-

²⁰ Точных данных о национальном составе населения Клайпеды до переписи 1959 г. не существует. Все же в справке о городе от 1947 г. была дана приблизительная оценка, что 40 % жителей города составляют литовцы, а 60 % – русские (видимо, русскоязычные): Город Клайпеда. Краткое экономическое описание, июнь 1947 г. *Lietuvos centrinių valstybės archyvas (Центральный архив Литовского государства, LCVA)*, f. R-755, ap. 2, b. 417, l. 10. Преобладание русскоязычных могло длиться до рубежа 1940-х – 1950-х гг., когда советская власть в Литве политикой коллективизации и ссылок в Сибирь вызвало крупномасштабное переселение населения из деревенской местности в города.

ректор мотивировал, как то и требовалось бы в национальной системе значений с интегрированными элементами советской идеологии («имя Витаутаса», который «сокрушил немцев у Жальгириса, нанеся им смертельный удар», «будет ученикам примером воспитания и напоминанием [о том, что надо – В. С.] охранять Советскую Литву от вечных немецких захватчиков»²¹). Исполком подготовил проект соответствующего решения, однако его председатель на проекте карандашом поставил следующую визу: «Отложить до согласования с ГК КП(б) Литвы (Кардашевичюс)»²². Какую реакцию это вызвало в горкоме, неизвестно, однако директору гимназии после этого было предложено вступить в партию. Вследствие отказа Э. Ингауниса от своей должности он был отстранен.

Еще один пример противопоставления советско-литовской и советско-всесоюзной стратегии присвоения Клайпеды связан с намерениями переименовать названия улиц и площадей. Сравнение трех подготовленных в 1947 г. в Клайпедке проектов²³, которые высылались в Верховный Совет Литовской ССР на утверждение, показывает, что переименование улиц вызвало между местной номенклатурой и Вильнюсом определенное напряжение. Вильнюс так и не утвердил предложения местной номенклатуры дать улицам названия С. Кирова, М. Калинина и даже Сталина и Сталинграда. Зато, как уже упоминалось, в городе тогда появилось много названий с именами литовских писателей и представителей Малой Литвы. Это дает возможность полагать, что всесоюзная система значений, в которой воспринимала себя местная, преимущественно русскоязычная номенклатура, в данном случае не совпала с литовской национальной системой значений, в которой воспринимало себя руководство республики.

Все же такое противопоставление, связанное с Клайпедой, в конечном счете было подавлено, и это произошло на рубеже 1940-х – 1950-х годов. Свое отражение это нашло и в более или менее выраженном расторжении связей с прошлым, которое очевидно при сравнении двух текстов об истории города, опубликованных соответственно в 1947 и в 1951 г. Следует заметить, что после их появления подобные тексты об истории Клайпеды не печатались на протяжении двух десятилетий. Первый рассказ, подготовленный неизвестным человеком под псевдонимом(?) Й. Акинас, был опубликован в 26 номерах местной газеты на литовском языке²⁴. Второй, автором которого был историк Робертас Жюгжда, сын тогдашнего директора Института истории при Академии наук Литовской ССР, вышел в виде отдельной книжки²⁵.

История Й. Акинаса представляет собой необычайно исчерпывающий для советской эпохи рассказ о прошлом города, охватывающий период с доисторических времен культур балтов до 1945 года. До Перестройки этот рассказ оставался наиболее подробной историей города, опубликованной в советский период. Самое главное, что рассказ этот сконструирован преимущественно на основе литовской литературы об истории Клайпеды и Клайпед-

²¹ Klaipėdos 1-osios gimnazijos direktoriaus raštas Nr. 837, 1947 10 16. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 18, l. 77.

²² Решение исполкома О переименовании Клайпедской 1-й гимназии на гимназию им. Витовта Великого (проект). *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 18, l. 71.

²³ Сравни: Решение Исполкома № 36 Об изменении наименований улиц города Клайпеда, 18.2.1947. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 10, l. 60–61; Решение Исполкома № 768 О переименовании улиц города, 7.10.1947. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 13, l. 78; Решение Исполкома № 792 О переименовании улиц города, 22.10.1947. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 13, l. 127.

²⁴ AKYNAS, J. Iš Klaipėdos praeities. Istoriniai bruožai. *Raudonasis Švyturys*, 1947 02 13, Nr. 36 (261) – 1947 03 29, Nr. 74 (299).

²⁵ ŽIUGŽDA, R. *Tarybinė Klaipėda*. Vilnius, 1951.

ского края, опубликованной в межвоенную эпоху, со всеми присущими ей особенностями. Иначе говоря, рассказ Й. Акинаса является ярким примером именно национальной стратегии присвоения Клайпеды, в котором политические перемены 1945 г. и связанные с ними каноны советской идеологии приняты во внимание лишь формально.

Совершенно иначе прошлое Клайпеды представлено в книжке Р. Жюгжды «Советская Клайпеда». Истории города до 1945 г. здесь также уделено сравнительно много внимания (36 из 58 страниц). Однако в этом тексте очевидной становится цезура «Октябрьской революции». «История до 1917 г.» здесь изображена лишь схематично, а больше всего места уделено сюжетам, призванным показать, что именно упомянутая «революция» стала панацеей для трудящихся, включая рабочих Клайпеды. У Р. Жюгжды в книжке именно страна советов и Коммунистическая партия всегда стояла на стороне последних и, разумеется, что именно страну советов, ВКП(б) и лично товарища Сталина должны благодарить нынешние жители города за «освобождение» Клайпеды, ее преподнесение в качестве «подарка литовскому народу» и за дальнейшее мудрое строительство социализма.

Сравнение двух текстов об истории города, опубликование которых разделяют лишь четыре года, показывает, как быстро национальная стратегия присвоения Клайпеды была поглощена амбициями воспринимать этот город посредством значений, содержание которых куда более зависело не просто от догм советской идеологии, но, что самое главное, от догм, созданных в рамках всесоюзного патриотизма. Это не означает, что национальной стратегии не стало вовсе, тем более, как уже указывалось, адаптация к политическим переменам была присуща и ей. Все же, начиная с рубежа 1940-х – 1950-х годов, в восприятии Клайпеды элемент национальный явно проигрывал в соотношении с элементом всесоюзным.

«Во всенародную борьбу свой вклад вносят и трудящиеся Клайпеды»

Национальный (литовский) способ восприятия города Клайпеды после войны подразумевал творческое приспособление советской идеологии и националистического дискурса к местному контексту, а подобное приспособление, начиная еще с довоенного периода, осуществлялось при помощи использования символов, образов и сюжетов, связанных с национализированной (т. е. литуанизированной) историей Малой Литвы. Тезис о том, что Клайпеда – это часть Малой Литвы, т. е. связывание города со значениями, которые придавались в памяти литовцев этому воображаемому пространству, позволяло считать Клайпеду своей. Однако восприятие Клайпеды во всесоюзной системе значений также предполагало поиски связей между городом и теми значениями, которые воспринимались как «советские» с точки зрения всесоюзного патриотизма.

Основное различие между восприятиями города в национальной и всесоюзной системе значений заключалось в том, что последняя не предполагала поддерживать исключительную связь города с литовской национальной культурой. В данном случае Советский Союз, а не Литовская ССР ограничивал референцию восприятия города. Кроме того, досоветское прошлое города практически не имело значения. Если в литовском восприятии города это прошлое использовалось для изображения преемственности периода 1923–1939 гг. и легитимации настоящего этой преемственностью, то во всесоюзном восприятии чувство уверенности в принадлежности новой земли «нам» развивалось в применении совершенно иной стратегии. Здесь это чувство поддерживалось забвением довоенного прошлого, руководствуясь предпосылкой, что именно «неправильное» или «чрезмерное» знание о прошлом по-

рождает сомнения в порядке настоящего. Таким образом, всесоюзное восприятие (но лишь в своем идеальном виде) поддерживало чувство уверенности при помощи направленности на будущее (оно так и называлось «светлое будущее»), а чувство общности – при поддержке мифа о всеобщей борьбе за достижение этого будущего.

Что же составляло суть, или содержание, всесоюзного восприятия? На этот вопрос позволяет ответить проделанная мною попытка сгруппировать по идеологическому смыслу конкретные действия, которые, с одной стороны, были бы связаны с символическим воплощением советской идеологии в Клайпеде, а с другой не связаны с воплощением чего-либо литовского. Такое выделение позволяет определить, какие конкретно идеологические установки и как именно приспосабливались к местному контексту, создавая для жителей Клайпеды восприятие себя во всесоюзной системе значений.

1. Была использована идеологическая установка «дружбы народов», иными словами, положение, утверждавшее, что Советский Союз состоит из дружеских народов, среди которых преобладающим, ведущим и основным является русский народ, на долю которого приходится наибольшая нагрузка на пути «развития социализма». Обязательное (часто лишь подразумевающееся) выделение «великого русского народа» в данном случае и являлось одной из основных особенностей всесоюзной интерпретации советской идеологии.

На символическом уровне догма «дружбы народов» и «дух» интернационализма был воплощен, например, в символике памятника Победе (установлен в мае 1945 г.). Во время ежегодных мероприятий, проходивших возле него, особенно подчеркивалось, что «освобождение» Клайпеды стало возможным только вследствие дружбы народов. Кстати, для утверждения подобной установки использовались и другие «братские кладбища», расположенные на территории Клайпедского края: в их семантике военный образ братьев по оружию легко приспосабливался к поддержке идеи «братства народов». Кроме того, около 1955 г. в Клайпеде на бетонном постаменте посреди Советской площади была возведена символизировавшая интернационализм пролетариата скульптурная композиция – вместе шагающие вперед чернокожий, азиатка и белокожий²⁶. Эта скульптурная композиция, хоть и была снесена уже в 1960-х, наиболее отчетливо отражала использование установки «братства народов» в Клайпеде. Новый большой памятник «дружбе народов» в городе планировалось соорудить в конце 1980-х. В июне 1987 г. по этому поводу был объявлен архитектурный конкурс²⁷, но идея осталась неосуществленной.

Роль русской культуры как самой прогрессивной культуры в государстве пролетариата была воплощена в названиях улиц и в семантике памятников. Одним из наиболее ярких ее представителей в сталинские времена, безусловно, был Максим Горький. В 1946 г. по случаю десятой годовщины его смерти именем писателя была названа гимназия № 2 и одна из центральных улиц города²⁸. С 1952 по 1962 г. в начале этой улицы стоял посвященный ему железобетонный памятник, а у входа в Учительский институт М. Горький позировал в скульптурной композиции с самим Сталиным. Кроме того, около 1962 г. в городе планировалось создать парк, названный именем М. Горького²⁹. Имя другого русского писателя Николая

²⁶ ТК, 1957 08 11, Nr. 158 (3063).

²⁷ SKIEZGELAS, A. Konkursas Tautų draugystės monumentui. ТК, 1987 06 16, Nr. 139 (12028).

²⁸ Решение Исполкома № 122 О Присвоении имени Максима Горького гимназии № 2 г. Клайпеда и переименовании ул. Лепу в ул. М. Горького, 19.6.1946. KLAJA, f. 104, ap. 1, b. 4, l. 27.

²⁹ Lietuvos TSR architektų sąjungos Klaipėdos skyriaus pasitarimo protokolas Nr. 3, 1962 02 13. KLAJA, f. 538, ap. 1, b. 9, l. 8–9.

Гоголя в 1952 г. (опять-таки по случаю столетия со дня смерти) также было присвоено одной из улиц города³⁰.

Руководящая роль русского народа символически воплощалась в Клайпеде и попытками приспособить представителей прошлого этого народа, ставших такими в качестве героев послевоенного сталинского кинематографа. Герои созданных в 1946–1953 гг. биографических фильмов «Адмирал Нахимов», «Пирогов», «Александр Степанович Попов», «Адмирал Ушаков» нашли свое воплощение в названиях, которые в 1950-е годы были даны улицам нового квартала в так называемом поселке Клайпедского рыбного порта. С помощью кино превращенные в места памяти адмиралы флота Российской империи XVIII–XIX столетий Павел Нахимов и Федор Ушаков, основоположник российской военно-полевой хирургии середины XIX века Николай Пирогов и изобретатель радио Александр Попов, можно сказать, стали примерами стратегии, характерной для поздней сталинской эпохи. Ее суть состояла в использовании фигур, связанных с историей России, с целью создания образа могущественного отечества (что сопутствовало поддержанию всесоюзного патриотизма) и русского народа, решительно шагающего впереди всех к прогрессу человечества. Приспособление именно указанных фигур к клайпедскому контексту и название их именами улиц именно в поселке рыбного порта не было случайностью. В упомянутых кинофильмах все они, так или иначе, изображаются в связи с Российским военно-морским флотом, его значении в военных победах и ролью изобретений русского человека на флоте.

2. Была приспособлена идеологическая установка, приписывавшая Коммунистической партии руководящую роль в СССР и утверждавшая, что только Компартия знает, как достичь коммунистического «светлого будущего». Приписывание такой роли Компартии и СССР также было воплощено в инициативах присвоения новых значений пространствам города. Типичные проявления подобных инициатив были связаны с превращением в символы самой советской власти, а также ее вождей – прежде всего, Ленина и Сталина. Уже в 1945 г. в Клайпеде появилась улица и площадь Ленина, в 1948 г. – Советская площадь, на которой начиная с 1946 г.³¹ планировалось создавать центральный акцент – дом советов (инициатива не была осуществлена). В 1947 г. был подготовлен не материализовавшийся план разделения города на два административных района, которые должны были называться именами Ленина и Сталина³². Наконец, около 1951–1952 гг. общественные пространства города были оккупированы цементными и железобетонными статуями Ленина и Сталина. В скверах и на площадях статуй Ленина было, по крайней мере, две, а Сталина – по меньшей мере, шесть (все статуи Сталина около 1958 г. были снесены). Разнообразные церемонии и шествия, во время которых портреты вождей Компартии должны были возвышаться над всеми или хотя бы проноситься впереди, в данном случае говорили сами за себя.

3. Был приспособлен культ труда, достижений производства и прогресса, или идеологическая установка, утверждавшая, что все трудящиеся должны самоотверженно работать и таким образом стремиться к прогрессу на пути «развития социализма». Для утверждения такой установки первоначально особенно активно использовался сюжет о беззаветной отваге жителей советской Клайпеды в расчистке развалин и восстановлении города. Уже в 1946 г.

³⁰ Решение Исполкома № 126 О переименовании улицы Шяурес-Ратас на улицу Н. В. Гоголя, 6.3.1952. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 128, l. 171.

³¹ CIBAS, A. Klaipėdos miesto centro rekonstrukcija. *Tiesa*, 1946 06 21, Nr. 143 (977).

³² Решение Исполкома № 29 Об организации двух административных районов в гор. Клайпеде, 11.2.1947. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 10, l. 49.

появилась идея возведения на территории Клайпедского замка памятника восстановлению города³³, а местный исполком еще в ноябре 1945 г. собирался создавать музей восстановления города, который должен был «показать его изменение, увековечить его рост»³⁴. Культ стахановских темпов работы и достижений производства нашел свое воплощение в массивной доске почета, которая около 1950 г. была поставлена на месте расчищенных развалин в самом центре города³⁵ и на которой вывешивались портреты передовиков производства. В 1960-е гг., когда доску снесли, галерея с портретами передовиков появилась на одной из центральных улиц, а в новых кварталах города были сооружены разнообразные стенды, демонстрировавшие достижения советского производства в Клайпеде. В 1949 г. учрежденном Краеведческом музее, по крайней мере, до 1957 г. единственной темой, с которой можно было ознакомиться, была тема «строительство социализма». В экспозиции музея она изображалась на стендах отдельных заводов и фабрик³⁶. К этому же контексту следует отнести увековечивание коллективной победы прогресса «советского народа» – полета Юрия Гагарина в космос: в 1961 г. решением исполкома³⁷ именем Ю. Гагарина была названа одна из городских улиц.

В контексте применения обсуждаемой идеологической установки интересно и то, что символом, позволяющим воспринимать Клайпеду своей, с течением времени стала промышленность, в особенности рыбный флот и рыбная промышленность, которые, как утверждалось, расцвели в Клайпеде только благодаря достижениям советского прогресса. Не случайно еще в 1956 г. появилась идея увековечить важнейшую отрасль промышленности города, ставшую такой, по сути, именно в советский период, воздвигнув в самом центре города статую «Рыбака»³⁸ (идея была воплощена намного позже, лишь в 1971 г.³⁹).

4. Наконец, наиболее важный аспект – были приспособлены основные сюжеты восприятия в СССР Великой Отечественной войны, которые в эмоциональном смысле являлись наиболее действенными инструментами создания и поддержания всесоюзного патриотизма, т. е. сюжеты освобождения и победы. Сюжет освобождения в контексте символического присвоения Клайпеды исполнял роль мифа о происхождении нового политического и социального порядка. Ежегодное воспоминание об «освобождении» города и победе в войне было превращено в ритуал и подчинено политическим целям режима. Правда, как уже утверждалось ранее⁴⁰, в разные периоды стратегии поведения режима по отношению к этому воспоминанию менялись. Активное, «горячее» и церемониализированное воспоминание об «освобождении» Клайпеды и победе в войне было характерно для первых послевоенных лет и эпохи, началом которой стала двадцатая годовщина окончания войны. Такое воспомина-

³³ CIBAS, A. Klaipėdos miesto centro rekonstrukcija. *Tiesa*, 1946 06 21, Nr. 143 (977).

³⁴ Vykdomojo komiteto nutarimas Nr. 99 Apie Klaipėdos Miesto Atstatymo muziejaus steigimą, 1945 11 23. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 1, l. 108.

³⁵ Решение Исполкома № 276 О приведении в надлежащий порядок городской доски почета и всего сквера-парка у берега реки Данге, 29.3.1950. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 51, l. 454.

³⁶ Kraštotyros muziejaus nauja ekspozicija. *TK*, 1957 11 03, Nr. 218 (3123); ELERTIENĖ, B. Klaipėdos kraštotyros muziejaus indėlis į miesto gyvenimą. In *Tarybinės Klaipėdos istorijos klausimai*. Ats. red. M. JUČAS, S. OVERAITĖ. Vilnius, 1977, p. 45–46.

³⁷ Vykdomojo komiteto sprendimas Nr. 203 Dėl Klaipėdos miesto Ramiosios gatvės pavadinimo pakeitimo, 1961 04 14. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 392, l. 257.

³⁸ BACEVIČIUS, E. Nežinoma „Žvejo“ skulptūros istorija. *Mokslas ir gyvenimas*, 2008, Nr. 7 (597), p. 18–19.

³⁹ Žydrųjų laukų artojų šventė. *TK*, 1971 07 13, Nr. 162 (7210).

⁴⁰ SAFRONOVAS, V. Antrojo pasaulinio karo įvykiai Rytų Prūsijoje Klaipėdos krašto ir Kaliningrado srities atminimo kultūroje. In *Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos* (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XVIII). Sud. A. L. ARBUŠAUSKAITĖ. Klaipėda, 2009, p. 87–108.

ние, прежде всего, должно было напоминать о начале новой эпохи истории города – эпохи свободы, более совершенной и более прогрессивной. Упомянутые сюжеты нашли отражение в символике в мае 1945 г. сооруженного памятника Победе (кстати, это был, пожалуй, первый посвященный победе памятник, сооруженный на бывшей территории Германии), в присвоении в 1948 г. одной из центральных улиц города названия улицы Победы, в создании в 1945 г. в центре города нескольких воинских кладбищ. На территории последних возводились памятники, а начиная с брежневской эпохи, проводились и разнообразные церемонии. Они были связаны не только с годовщинами «освобождения» Клайпеды или победы в войне, но и, например, с торжественными клятвами по случаю приема в комсомол, начала службы в органах милиции и т. д.

Поддержание соответствующего дискурса в печати и в общественных речах, его воссоздание в виде ритуалов и церемоний, символическое обозначение города опознавательными знаками, позволявшими воспринимать его нахождение в сфере влияния этого дискурса было характерно для воплощения всех выделенных идеологических установок. Важно и то, что они приспособлялись к местному контексту и создавали для жителей города восприятие себя во всесоюзной системе значений не по отдельности, а в тесно взаимосвязанной системе.

Примеров соединения выделенных выше элементов в такую систему множество. Одним из них может служить вступительный текст в книжке о городе, выпущенной по случаю двадцатой годовщины советской Клайпеды и предназначенной, как указывалось в подзаголовке, «для пропагандистов, агитаторов и докладчиков». Вводный текст книжки начинается с констатации о точке отсчета советского города – 28 января: «Эта дата означает поворот к строительству новой, советской жизни». А далее все по порядку: «Под руководством Коммунистической партии, при помощи всех народов Советского Союза, а прежде всего великого братского русского народа, трудящиеся Клайпеды в краткие сроки не только восстановили народное хозяйство своего родного города, но и достигли значительных достижений во всех отраслях промышленности, строительства, транспорта и сферах культурно-бытовой жизни. [...] Большую работу здесь проделала партийная организация города Клайпеды и городской совет трудящихся, которые мобилизовали людей для осуществления государственных планов, воспитывали их в духе советского патриотизма, братства народов, любви и преданности Коммунистической партии и Советскому правительству. Двадцатилетие освобождения Клайпеды – новая страница жизни. Этот славный юбилей трудящиеся города-порта встречают с великим политическим и производственным воодушевлением. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы и такой факт: еще 29 ноября 1964 г. город-порт осуществил годовой план и до конца года изготовил сверхплановой продукции на более чем 40 млн. рублей.»⁴¹

Таким образом, очевидно, что в послевоенный период существовал набор определенных установок советской идеологии и образов прошлого, пропагандирование которого использовалась в попытках конструировать восприятие жителей Клайпеды в рамках Советского Союза и всесоюзного патриотизма. Все же следует вернуться к тезису, что советская идеология в Литве трудно поддавалась попыткам утвердить монополию всесоюзного патриотизма на ее истолкование. Решение проблемы зависимости советской идеологии от каких-либо национальных предпосылок подавлением инакомыслия, предпринятое в Литве на рубеже 1940-х – 1950-х годов, было решением временным.

⁴¹ *Tarybinė Klaipėdai – dvidešimt metų: į pagalbą propagandistams, agitatoriams, pranešėjams*. Red. J. ŠIKŠNIUS. Klaipėda, 1965, p. 3–4.

Режим Литовской ССР, испытывая дефицит легитимности и пытаясь наладить связи с представителями творческих профессий, способными создать ему такую легитимность и ее поддерживать, был просто обязан идти на уступки. После смерти Сталина руководство республики больше не могло пользоваться помощью репрессивных структур в прежних масштабах и формах (да и подобной нужды в этом не было, поскольку к 1953 г. вооруженное сопротивление режиму в Литве было подавлено). Кроме того, вызванные докладом Лаврентия Бери «О ситуации в Литовской ССР» последствия грозили дестабилизировать ситуацию в республике, а Москва начала посылать определенные знаки об отступлении от прежней политики. Все это обусловило проявившиеся в действиях режима Литовской ССР попытки определить и поддерживать литовскую форму советской идеологии, в которой значения национальной культуры и национального прошлого использовались бы для «развития социалистической культуры»⁴². Потребность в этом после 1953–1954 гг. неоднократно подчеркивалось самим А. Снечкусом⁴³. По той же схеме, по которой сталинский режим в конце 1930-х гг. вновь обратился к идеям российского национализма⁴⁴, в Литовской ССР после смерти Сталина произошло четко выраженное обращение режима к идеям литовского национализма, т. е. значениям, связанным с литовской национальной культурой.

Такой сдвиг затронул весьма широкую среду писателей, художников и пр. представителей творческой интеллигенции, а также историков, что, разумеется, существенно меняло возможности рассуждать о прошлом и использовать фигуры национального прошлого в настоящем. В 1950-е гг. была подготовлена и начала издаваться первая послевоенная «История Литовской ССР», которая в данном случае важна именно потому, что одновременно являлась первой попыткой режима послать в общество сигнал о расширении рамок допустимого. Подготовленный Институтом истории Академии наук Литовской ССР синтез⁴⁵ не только указывал, какие образы и сюжеты прошлого Литвы могут актуализироваться, но и определял способ их актуализации, т. е. определенное восприятие этих образов и сюжетов, которое следовало принять как приемлемое для режима.

В «Истории Литовской ССР» была отдана дань всем основным утверждениям советской идеологии, не исключая и догму «дружбы народов». Все же суть этой истории составило не что иное, как рассказ о борьбе литовского народа против его угнетателей. Этот народ,

⁴² Одной из первых это заметила: CHRISTOPHE, B. *Staat versus Identität: zur Konstruktion von „Nation“ und „nationalem Interesse“ in den litauischen Transformationsdiskursen von 1987 bis 1995*. Köln, 1997, S. 48–63.

⁴³ Смотри, например, речь А. Снечкуса на пленуме ЦК комсомола Литвы, 21.2.1957: *LYA*, f. 16895, ap. 2, b. 73, l. 22–24.

⁴⁴ Сравни: SIMON, G. *Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinistischen Gesellschaft* (Osteuropa und der internationale Kommunismus, Bd. 16). Baden-Baden, 1986, S. 171–179; BRANDENBERGER, D.; DUBROVSKY, A. ‘The People need a Tsar’: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941. *Europe-Asia Studies*, 1998, Vol. 50, No. 5, p. 873–892; MARTIN, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca and London, 2001, p. 344–461; BRANDENBERGER, D. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge (Mass.), 2002.

⁴⁵ На основе макета, в 1953 г. подготовленного «для служебного пользования», в 1957–1965 гг. был выпущен трехтомник «Истории Литовской ССР» на литовском языке (в 1975 г. опубликовали дополнительный четвертый том о «строительстве социализма» после 1940 г.), а 1958 г. – сокращенный его вариант, который одновременно являлся первой официальной историей Литовской ССР «с древнейших времен до наших дней». *Lietuvos TSR istorija*. T. I–IV. Vyr. red. J. ŽIUGŽDA. Vilnius, 1957–1975; *Lietuvos TSR istorija nuo seniausiu laikų iki 1957 metų*. Vyr. red. J. ŽIUGŽDA. Vilnius, 1958. Подробнее о положении историков в Литовской ССР и развитии советской историографии в Литве см.: ŠVEDAS, A. *Matricos nelaisvėje: sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985 m.)*. Vilnius, 2009.

естественно, воспринимался не в смысле нации, а в смысле «трудящихся», якобы рабочих и крестьян. Однако, несмотря на то, что основу рассказа составлял сюжет о борьбе «народных масс» против феодальных и буржуазных эксплуататоров, в этот сюжет был успешно интегрирован рассказ о борьбе литовцев против угнетателей за свои национальные права, который в легитимационных целях использовался со времен литовского национального движения в конце XIX века. Таким образом, еще в XIX созданный образ существовавшего с незапамятных времен литовского народа и признание его способности иметь национальное самосознание оставалось актуальным. Легитимация советского режима здесь строилась на негативном изображении строя довоенного Литовского государства («инструмент в руках буржуазии»), используя утверждение, что именно Компартия Литвы, поддерживаемая СССР, тогда являлась защитником «настоящих» интересов литовского народа. Утверждалось, что посредством Компартии, а также самостоятельно народ вел борьбу против буржуазии и, в конце концов, заполучил долгожданную власть советов.

Подобная очевидная попытка использовать советско-литовское восприятие прошлого, противопоставляя его советско-всесоюзному восприятию, в Клайпеде вызвало резонанс, прежде всего, среди местных краеведов. Пользуясь появившейся возможностью «перешагнуть барьер» 1945 года, в 1950-е гг. они особенно занялись изучением последствий так называемой «революционной деятельности». В 1957 г. Краеведческий музей, преобразовывая экспозицию по случаю 40-й годовщины «Октябрьской революции», наконец осуществил свои планы, зафиксированные еще в 1953–1954 гг.⁴⁶, по включению в состав экспозиции материала об истории Клайпеды после 1917 года. Новая экспозиция повествовала о том, что было дозволено режимом⁴⁷. Несмотря на это, она ясно утверждала, что до советской Клайпеды была еще одна, другая Клайпеда. В 1958 г. городская газета опубликовала первый весьма обширный цикл статей о «революционном прошлом» города, подготовленный научным сотрудником Института истории партии при ЦК КП Литвы в Вильнюсе Витаутасом Канцевичусом⁴⁸. В следующем году Краеведческий музей провел паспортизацию первых двух «историко-революционных» памятников – городских зданий, связанных с деятельностью довоенных коммунистов⁴⁹. В 1960-е годы на основе исследований Кястутиса Адомониса, в 1966–1969 гг. возглавлявшего отдел пропаганды и агитации местного горкома, в городе было выявлено и объявлено историческими памятниками еще несколько зданий, связанных с тем же сюжетом. Наконец, в 1974 г. местные краеведы даже сумели убедить городскую партийную организацию, что ей исполнилось пятьдесят лет, на что в течение этого года неоднократно обращалось внимание как в городской печати, так и на официальной городской партконференции.

Подобные игры местного горкома и краеведов, полагаю, следует оценивать как попытки последних продемонстрировать положительное отношение к партии, обеспечить себе доверие и при этом зондировать ситуацию, ставя вопрос примерно так: если можно рассказывать о революционной борьбе, то почему нельзя о национальной? Ведь «История Литовской ССР» позволяло и это. В пользу такой трактовки говорят не только действия Краеведческого музея, который в 1957 г. открыл экспозицию об «истории с 1917 г.», а уже в 1964 г. – и эк-

⁴⁶ 1953 ir 1954 m. Kraštotyros muziejaus darbo ir tematiniai planai. *KLAA*, f. 693, ap. 1, b. 1, l. 61, 76, 83.

⁴⁷ Kraštotyros muziejaus nauja ekspozicija. *TK*, 1957 11 03, Nr. 218 (3123).

⁴⁸ KANCEVIČIUS, V. Iš Klaipėdos krašto revoliucinės praeities. *TK*, 1958 04 13, Nr. 74 (3237) – 1958 06 29, Nr. 128 (3291).

⁴⁹ 1959 m. II ketvirčio Kraštotyros muziejaus ataskaita. *KLAA*, f. 693, ap. 1, b. 1, l. 185.

спозицию обо всем оставшемся периоде до 1917 г., которая в 1971 г. еще была и расширена. Возможность подобной интерпретации определяет сама суть того, что произошло в Литве в 1950-е годы.

Актуализация революционного прошлого являлась конструированием нового дополнения истории Литвы, и многие из тех, кто ею занимался, отлично понимали, что это – дань истории становления советского режима. Однако, отдав эту дань, появлялась возможность сделать шаг в сторону той истории, которая, с одной стороны, не столь требовалась режиму, а с другой, не казалась столь искусственной, поскольку основывалась на значениях национальной культуры литовцев. Это особенно важно в связи с Клайпедой, поскольку значения национальной культуры литовцев об этом городе основывались на его взаимосвязи с Малой Литвой. Последняя же в «Истории Литовской ССР» обрела второе дыхание, но уже не как история чего-то другого, отдельного от Литвы⁵⁰, а как история интегральная. Именно в советский период, невзирая на бывшие культурные и политические различия, был утвержден канон о Малой Литве как о колыбели важнейших явлений *всей* литовской культуры. Эта заслуга принадлежала не только историкам, но и литературоведам, исследовавшим великие произведения литовской культуры. Как неоднократно утверждалось, в Малой Литве появилась первая книга, первое художественное произведение и первая газета на литовском языке, первая грамматика литовского языка, первое собрание литовских народных песен и т. д.⁵¹ Литовцы Малой Литвы стали считаться частью одного литовского народа. Они якобы боролись против угнетателей подобно тому, как это было характерно для литовцев Великой Литвы. Представления об истории Малой Литвы упрощались настолько, что ее герои и образы были просто «вставлены» в общую схему борьбы.

Вызвали ли эти перемены отклик в Клайпеде? Определенный ответ на этот вопрос нам могут дать два перспективных проекта по возведению памятников в городе, оформленные исполкомом в 1957–1958 гг. и отосланные на утверждение в Совет министров Литовской ССР.

В решении от апреля 1957 г. в городе в ближайшем будущем предполагалось воздвигнуть памятники Рыбаку, Юлиусу Янонису и Кристийонасу Донелайтису⁵². Памятник Рыбаку, который, как утверждалось, представлял важнейшую отрасль городской промышленности, развитую в советский период, следует воспринимать как дань установкам о Клайпеде, связанным с всесоюзным восприятием. Поэт Ю. Янонис в советском литературоведении представлялся как литовский поэт – представитель пролетариата и, кроме того, как участник «революционной борьбы». Сам факт того, что он был абсолютно не связан с историей Клайпеды (за исключением того, что в 1948 г. здесь появилась улица, названная его именем, на которой и предлагалось строить памятник), показывает, что Ю. Янонис был выбран как дань актуализации революционного прошлого. Этот факт наводит на мысль, что самой главной в этом проекте следует считать идею возведения памятника К. Донелайтису, который был, безусловно, важнейшим символом Малой Литвы в советский период. Иными словами, весь проект из трех наименований был задуман как соответствие схеме всесоюзного, революционного и литовско-национального прошлого, появившейся в 1950-е гг. в советско-литовской

⁵⁰ Так она изображалась, например, в учебнике под редакцией Адольфаса Шапоки, одном из наиболее известных довоенных учебников для средних школ Литвы: *Lietuvos istorija*. Red. A. ŠAPOKA. Kaunas, 1936.

⁵¹ Сравни: JURGINIS, J. *Amžinoji ugnis ant lietuvninkų kapo*. In JURGINIS, J. *Istorija ir poezija*. Vilnius, 1969, p. 301.

⁵² *Vykdomojo komiteto sprendimas Nr. 211 Dėl žvejo stovylos ir Donelaičio bei J. Janonio paminklų statybos*, 1957 04 26. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 281, l. 119.

системе значений. Но памятники Рыбаку и Ю. Янонису были предложены лишь в качестве противовеса, который должен был сопутствовать идее возведения памятника К. Донелайтису, не позволяя заблокировать последнюю.

На такую интерпретацию наводит не только тот факт, что в 1955 г. имя К. Донелайтиса в городе уже было присвоено литовской средней школе № 1, но и сравнение проекта от 1957 г. со следующим проектом, оформленным в июне 1958 года⁵³. В данном случае имелся дополненный и измененный список, в котором место статуи Рыбака было занято памятником Ленину. Таким образом, был предложен еще более очевидный символ всесоюзного восприятия. Представителя революционного прошлого в этом списке не стало (видимо, отсутствие взаимосвязи между Ю. Янонисом и Клайпедой было «замечено»). Самое главное, что единственным оставшимся из прежнего списка был памятник К. Донелайтису. Кроме того, компанию ему здесь составил другой символ, связанный с Малой Литвой – Геркус Мантас.

К тому же контексту следует отнести еще одну подобную инициативу. В 1958 г. исполнилось 150 лет с первого издания «Времен Года» К. Донелайтиса, которое в 1818 г. подготовил профессор Альбертины, директор Литовского семинара и собиратель литовского фольклора Людвиг Реза. Клайпедский исполком по этому поводу обратился в президиум Верховного совета Литовской ССР с просьбой назвать именем «великого литовского писателя Клайпедского края Людвиг Резы» одну из городских средних школ⁵⁴.

Причины, по которым эти инициативы середины 1950-х гг. не были осуществлены, будут обсуждаться далее, но здесь важно подчеркнуть, что они показывают саму суть стратегии, которая в дальнейшем будет применяться на протяжении всего оставшегося советского периода. Суть эта заключалась в принятии правил игры, в адаптации к советско-всесоюзному восприятию прошлого, но в тоже время в активной поддержке понимания, что советское может восприниматься не только как всесоюзное, но и как литовское. Санкционирование этой стратегии и конкретные действия по ее осуществлению со стороны руководства Литовской ССР, как будет видно, сопутствовали не только возвращению в пределы естественного понятия о том, что Клайпеду можно воспринимать в рамках литовской национальной культуры, но и его утверждению.

«Клайпедский край – земля литовского народа»

В 1965 г. в Вильнюсе вышел сборник статей под названием «Клайпеда». Большинство утверждений, опубликованных в нем, точь-в-точь напоминали риторику, присущую литовской печати в первые дни после занятия Клайпеды в 1945 году. Указанный сборник позиционировался как часть ответной кампании, началом которой стала выпущенная в 1964 г. книга «Война литовцев с крестоносцами»⁵⁵. Появление обеих книг изображалось в качестве реакции на «немецкий реваншизм», вновь активизировавшийся в ФРГ. Сборники должны были повторно утвердить в Литве тезис о том, что Германия не имеет никаких прав на территорию, когда-то завоеванную у литовцев. Самое интересное, что статью в книге 1965 г., в которой подробно рассматривались «исторические права» литовцев на Клайпеду⁵⁶, напи-

⁵³ Vykdomojo komiteto sprendimas Nr. 262, 1958 06 06. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 305, l. 237–238.

⁵⁴ Vykdomojo komiteto sprendimas Nr. 460 Dėl Liudviko Rėzos vardo suteikimo vidurinei mokyklai Nr. 5, 1958 10 17. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 307, l. 13.

⁵⁵ *Lietuvių karas su kryžiuočiais*: straipsnių rinkinys. Red. J. JURGINIS. Vilnius, 1964.

⁵⁶ ŽIUGŽDA, R. Klapėdos kraštas – lietuvių tautos žemė. In *Klaipėda*. Sud. A. PETRAITIS. Vilnius, 1965, p. 26–49.

сал историк Робертас Жюгжда, автор вышеупомянутой книжки «Советская Клайпеда». Как объяснить факт, что тот же автор, который в 1951 г. поместил Клайпеду в рамки всесоюзной системы значений, в 1965 г. написал текст, который по своим идеологическим установкам *mutatis mutandis* напоминал статью из какого-нибудь политического журнала довоенной Литвы? Объяснения требует и другой факт. Почему все авторы изданной в 1965 г. книжки, начиная с Р. Жюгжды и кончая писательницей Е. Симонайтите, изобразили Клайпеду в советско-литовской или даже в однозначно литовской системе значений, и только один Альфонсас Жалис, единственный автор из самой Клайпеды, тогдашний «третий» (т. е. ответственный за культуру и идеологию) секретарь горкома КП Литвы, написал текст о городе после 1945 года⁵⁷, содержания которого было прямо-таки квинтэссенцией советско-всесоюзного восприятия Клайпеды?

Полагаю, что ответы на эти вопросы следует искать в расстановке сил между коммуникационными средами, в которых соответственно поддерживались преимущественно советско-всесоюзные значения и значения литовской национальной культуры, приспособленные или нет к советской идеологии. Каждая из этих сред сопоставима с определенными социальными сетями, охватывавшими не только саму Клайпеду, но и людей, живших за ее пределами. То, что казалось нормой в одной социальной сети и коммуникационной среде, выходило за пределы нормальности в другой. Однако следует учитывать, что из-за специфики организации советского дискурса влиять на общественное восприятие города, т. е. повествовать о городе публично или разрешать это делать другим, могла сравнительно небольшая часть жителей послевоенной Клайпеды, которая находилась в окружении партийного аппарата, номенклатуры или принадлежала к партии. И то, что они принадлежали к той или иной социальной сети и придерживались тех или иных взглядов, еще не означало, что эти взгляды они будут поддерживать публично. На самом деле, большую роль здесь играла каждая отдельная ситуация, в которой актуализировалось значение, т. е. конкретная ситуация предполагала, как будет вести себя не только художник, писатель, краевед, но и представитель номенклатуры. Будет ли он, чувствуя себя достаточно сильным в определенном окружении, прилагать усилия для актуализации литовских значений, приспособленных к советской идеологии? Или наоборот, почувствовав неблагоклонность вышестоящего или неверность находящегося в его окружении, он будет заявлять о своей декларативной преданности советско-всесоюзным значениям?

Таким образом, для того, чтобы советско-литовское восприятие Клайпеды поддерживалось и преобладало в среде общественной коммуникации, были необходимы а) достаточная благосклонность тех, кто имел в своих руках контроль над содержанием этой среды, т. е. партийно-номенклатурной структуры; б) пребывание жителей Клайпеды в социальных сетях, которые поддерживали бы значения, связанные с этим восприятием. Оба указанных условия были достигнуты в ходе определенных процессов, происходивших отнюдь не без вмешательства партийного руководства Литвы и заслуживающих особого внимания.

Во-первых, на протяжении практически всего советского периода происходил процесс литуанизации Клайпедской партийной организации, а это означало, что все больше литовцев попадало внутрь структуры, ответственной за поддержание советской идеологии. Эвентуально это увеличивало возможность поддержки значений, связанных с литовской национальной культурой. В начале 1949 г. из 1 698 членов и кандидатов Клайпедской организации

⁵⁷ ŽALYS, A. Klaipėda – tarybinė. In *Klaipėda*. Sud. A. PETRAITIS. Vilnius, 1965, p. 87–118.

ВКП(б) 74 % составляли лица русской национальности (это не включая белорусов, украинцев и т. д.)⁵⁸. Осенью 1953 г. из 2 276 членов и кандидатов партии литовцы составляли 15,2 %, русские – 66,6 %⁵⁹. К концу 1958 г. число литовцев увеличилось до 23,9 %, а число русских уменьшилось до 60 % от общего числа 2 824 членов и кандидатов⁶⁰. Если в масштабах всей Компартии Литвы число литовцев превысило число русских уже в 1953–1954 гг.⁶¹, то в Клайпеде подобного перевеса надо было ждать до 1970-х гг.

Во-вторых, происходила литуанизация не только партийной организации, но и номенклатуры, которая несла ответственность как за само содержание пространства общественной коммуникации, так и за контроль этого содержания. В данном случае особенно важную роль играла так называемая политика выдвижения национальных кадров. Партийное руководство Литвы еще в 1946 г. требовало, чтобы руководящие кадры в Клайпеде укомплектовывались преимущественно из местных и чтобы они знали литовский язык⁶². Однако настоящим толчком к развитию этой политики стал пресловутый доклад Л. Берии «О положении в Литовской ССР», в котором партийное руководство республики критиковалось за назначение русских на руководящие посты. Реакцией на это стал июньский пленум ЦК КП Литвы 1953 г., решивший «считать главной задачей партийной организации республики на ближайший период подготовку, выращивание и широкое выдвижение литовских национальных кадров во всех звеньях развития партийного, советского и хозяйственного руководства»⁶³. Следующий пленум, созванный в июле после смещения Л. Берии, «целиком и полностью» одобрил критику в адрес последнего, высказанную в ЦК КПСС⁶⁴, но своих решений июньского пленума не отменил. Таким образом, доклад Л. Берии, который тот пытался использовать в целях усиления своей позиции, по сути, был использован партийным руководством Литовской ССР с целью усиления роли национальных кадров в республике.

Какие последствия это вызвало в сфере более широкой, нежели кадровая политика, показывает пример той же Клайпеды. Пленум горкома, созванный в июле 1953 г. по поводу отстранения Л. Берии, прошел в духе, оппозиционном политике Вильнюса. Секретарь одной из парторганизаций города Сова заявил, что «началось сплошное выискивание кадров литовской национальности. [...] В городе Клайпеда, к нашему стыду, выдвижение национальных кадров началось с замены автобусных вывесок и других объявлений на улицах и в магазинах с русского языка на литовский [...]. Руководящие работники стали заменяться работниками литовской национальности. [...] Некоторые товарищи забыли русский язык.»⁶⁵ Начальнику городского отделения МВД В. Гантарскису пришлось констатировать, что «вражеские установки» Л. Берии вызвали в городе «антисоветские и антирусские настроения»⁶⁶.

⁵⁸ Протокол № 3 Третьей городской конференции КП(б) Литвы г. Клайпеда, 29-30.1.1949. *LYA*, f. 3658, ap. 10, b. 1, l. 47.

⁵⁹ Протокол Восьмой городской Клайпедской конференции КП Литвы, 12-13.9.1953. *LYA*, f. 3658, ap. 32, b. 1, l. 123.

⁶⁰ Протокол XIV-ой Клайпедской городской партийной конференции КП Литвы, 26-27.12.1958. *LYA*, f. 3658, ap. 42, b. 1, l. 168.

⁶¹ *Lietuvos Komunistų partija skaičiai, 1918–1975: statistikos duomenų rinkinys*. Sud. P. BERESNEVIČIUS. Vilnius, 1976, p. 12.

⁶² Протокол № 1 Первой городской конференции КП(б) Литвы г. Клайпеда, 13-14.4.1946. *LYA*, f. 3658, ap. 3, b. 1, l. 31–32; Протокол № 96 заседания Бюро ЦК КП(б) Литвы, 30-31.8.1946. *LYA*, f. 1771, ap. 9, b. 142, l. 6.

⁶³ Протокол № 5 заседания пленума ЦК КП Литвы, 11-13.6.1953. *LYA*, f. 1771, ap. 131, b. 177, l. 9.

⁶⁴ Протокол № 6 заседания пленума ЦК КП Литвы, 13-14.7.1953. *LYA*, f. 1771, ap. 131, b. 187, l. 9.

⁶⁵ Протокол № 10 пленума горкома КП(б) Литвы г. Клайпеда, 18.7.1953. *LYA*, f. 3658, ap. 32, b. 15, l. 11.

⁶⁶ *Ibid.*, l. 26.

Очевидно, что утверждение передовой роли русской культуры в рамках всесоюзного патриотизма, а еще и преобладание русского языка в повседневности было приемлемо отнюдь не для всех жителей Клайпеды (не говоря уже о Литве). Партийное руководство республики, пытаясь заручиться более широкой поддержкой, пыталось изобразить себя в глазах населения в качестве не только советского, но и литовского (национального). В контексте борьбы за власть в Москве после смерти Сталина оно чувствовало себя сильным и не собиралось отходить от июньских решений. Именно поэтому, несмотря на оппозиционный июльский пленум в Клайпедке, восьмая партконференция горкома в сентябре того же года прошла в совершенно ином духе. Приехавший на партконференцию секретарь ЦК КП Литвы Казиме-рас Ляудис повторно изложил позицию партийного руководства республики: «ЦК требует, чтобы политическая работа проводилась на родном языке. Чтобы выращивались свои национальные кадры»⁶⁷. Разумеется, такую позицию можно было занимать до тех пор, пока не почувствовалось давление Москвы, но об этом немного позже.

Третьим важным процессом в достижении вышеупомянутых условий следует считать не просто количественное увеличение кадров литовской национальности, а увеличение числа кадров с определенными качественными характеристиками. Ведь главным был не сам факт увеличения, а то, каких взглядов придерживались эти кадры и насколько они поддавались конъюнктурным переменам. Суматоха 1953 г. явственно показывает, как определенная расстановка сил могла менять политический курс руководства республики. Но надо учитывать, что расстановка сил менялась постоянно, а попытки воспользоваться этими переменами применялись неоднократно. Это происходило на всех уровнях власти, и именно от расстановки сил между поддерживающими определенное решение и сопротивляющимися ему зависело, удастся ли в конкретной ситуации публично актуализировать то или иное значение прошлого. Главным в такой ситуации становился вопрос, имеешь ли ты поддерживающих и «покровителей» с нужными характеристиками.

Например, возвращаясь к инициативам 1957–1958 гг., связанным с актуализацией Геркуса Мантаса, К. Донелайтиса, Л. Резы, следует обратить внимание, что их появление не было случайностью. Принятию соответствующих решений исполкома могла сопутствовать лишь определенная расстановка сил: научным сотрудником в Краеведческом музее тогда работала Броне Элертене, которая позже, уже став его директором, занимала явно позитивную позицию по отношению к актуализации довоенного прошлого города и прошлого Малой Литвы; ее супруг Кястутис Элертас в 1957–1958 гг. являлся заведующим отделом культуры исполкома; оба они в юности воспитывались в духе интеллигенции довоенной Литвы и оба в 1957–1958 гг. были в хороших отношениях с тогдашним директором музея Марией Балчунайте-Радавичене и заместителем председателя исполкома по делам культуры Йонасом Гарункштисом. Кстати, как Й. Гарункштис, так и К. Элертас, несомненно, очутились на своих постах вследствие кампании по выдвижению национальных кадров. Надо полагать, что подобной расстановки сил было вполне достаточно для зарождения идеи и подготовки соответствующего решения исполкома.

Факт, что памятники тогда так и не были возведены, хотя их создание, в случае выделения средств Министерством культуры, планировалось закончить до 1960 г., а имя Л. Резы школе так и не было присвоено, наверняка зависел уже от другой расстановки сил. После событий в Венгрии осенью 1956 г. и укрепления в Москве группировки сторонников Никиты Хру-

⁶⁷ Протокол Восьмой городской Клайпедской конференции КП(б) Литвы, 12-13.9.1953. *LYA*, f. 3658, ap. 32, b. 1, l. 90.

щева в июне 1957 г. – марте 1958 г. руководство республики уже не чувствовало себя столь уверенно. В конце 1950-х гг. оно стало демонстрировать осторожность и даже отступление от прежней линии, что, разумеется, передалось и в низшие ряды номенклатуры. Например, летом 1959 г. официально были отменены решения пятого пленума КП Литвы 1953 года⁶⁸. Первые признаки нового политического курса – ограничение поддержки значений национальной культуры в среде общественной коммуникации – появились уже в 1957 г.⁶⁹ В конце 1960 г. и в 1961 гг. Н. Хрущев и ЦК КПСС конкретной критикой в адрес руководства республики⁷⁰ дали понять, что чрезмерное увлечение актуализацией национального прошлого в любой момент может быть воспринято в качестве «перегиба». В самой Клайпеде очевидным признаком отступления режима от прежних попыток пользоваться содействием населения посредством санкционирования поддержки национальной культуры стала экспроприация католического костела Марии-Миротворицы в августе 1960 г., который в течение четырех лет строился в городе на средства верующих.

Таким образом, расстановка сил для утверждения восприятия Клайпеды в национальной системе значений на рубеже 1950-х – 1960-х гг. стала неблагоприятной. Краеведческий музей, будучи единственным учреждением в городе, которое интересовалось его довоенным прошлым и вокруг которого сплачивались малочисленные краеведы, заинтересованные в познании этого прошлого, стал отнюдь не всегда пользоваться благорасположением городского руководства. Например, сотрудники музея, на который тогда возлагалась и охрана культурных ценностей, не были извещены городскими властями о намеченном демонтаже памятника участникам операции по занятию Клайпедского края в 1923 г., который находился на городском кладбище. Избежать демонтажа удалось лишь благодаря сознательным рабочим, которые перед его началом осведомили музей и тогдашнего его директора М. Балчунайте-Радавичене, которая в свою очередь обратилась за помощью к «покровителям» в министерство⁷¹. После их вмешательства была создана комиссия под руководством секретаря горкома КП Литвы А. Жалиса, которая в 1964 г. осмотрела памятник и предложила выполнить необходимые реставрационные работы. Все же на полях акта осмотра А. Жалис вписал: «Приводя в порядок памятник и окружающую его среду, целесообразно ликвидировать знаки бывшей организации стрелков»⁷² (Союз стрелков Литвы являлся инициатором возведения памятника в 1925 г.). Тот же самый А. Жалис, напомним, был автором текста про советскую Клайпеду в упомянутой выше книжке 1965 г. «Клайпеда». Однако в марте 1969 г., став председателем исполкома, он занял совершенно иную позицию по отношению к восприятию города, а это позволяет утверждать, что в 1964–1965 гг. и в 1969 г. мы опять-таки сталкиваемся с разными расстановками сил, в которых одно и то же поведение выглядело по-разному. Иными словами, в одной ситуации А. Жалис не имел достаточного влияния, поддержки, заинтересованности, чтобы действовать так, как он это делал в другой ситуации.

В 1964–1965 гг. ему все еще приходилось действовать в среде, в которой преобладали назначенные в сталинские времена кадры, советско-всесоюзное восприятие Клайпеды и крайняя осторожность по поводу актуализации национального прошлого, спровоцирован-

⁶⁸ TININIS, V. *Sniečkus. 33 metų valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža)*. 2-oji laida. Vilnius, 2000, p. 158–160.

⁶⁹ MISIUNAS, R. J.; TAAGEPERA, R. *The Baltic States. Years of Dependence, 1940–1980*. Berkeley, Los Angeles, 1983, pp. 149–150.

⁷⁰ См.: STREIKUS, A. Kierunki polityki pamięci na Litwie sowieckiej. *Politeja*, 2011, Nr. 2 (16), s. 285–286.

⁷¹ Из интервью автора статьи с бывшим директором музея Броне Элертене (1921–2007), 1 октября 2006 г.

⁷² TATORIS, J. *1923 m. sukilėlių paminklas Klaipėdoje: istoriniai tyrimai*. Klaipėda, 1997, p. 14, priedas Nr. 10.

ная упомянутыми событиями конца 1950-х. Однако к 1969 г. среда, в которой он действовал, изменилась. К концу 1960-х гг. основные позиции в городском руководстве заняли люди, чья карьера складывалась преимущественно во времена десталинизации. В январе 1968 г. первым секретарем горкома стал Йонас Гурецкас, которого с А. Жалисом связывали особые отношения взаимопонимания⁷³. До конца 1982 г., когда Й. Гурецкас перешел на другую должность, они вдвоем руководили городом, пользуясь взаимной поддержкой и со стороны своего окружения. Кроме того, руководство республики, естественно, использовало отстранение от власти Н. Хрущева в октябре 1964 г. с целью укрепления своих позиций. Несмотря на тенденции экономической централизации, которые повлекла за собой перемена власти в Кремле (имею в виду косыгинские реформы), в вопросах, связанных с литовской культурой, оно почувствовало себя относительно свободнее⁷⁴. На низших уровнях власти, а также в творческой среде, особенно в Вильнюсе, это вызвало цепную реакцию. Внимание к символам национальной культуры в этой среде никогда не угасало, независимо от перемен стратегий режима. Но в данном случае представители режима стали вновь изображать для творческой среды свою озабоченность национальной культурой и актуализацией ее символов. Что же касается символов прошлого Малой Литвы, возможности допустимого в их актуализации показал еще в 1964 г. довольно широко отмеченный 250-летний юбилей К. Донелайтиса. Иными словами, в середине 1960-х гг. возможности допустимого по отношению к актуализации национальной культуры выросли вновь и, прежде всего, это почувствовалось в Вильнюсе.

Представляется своевременным охарактеризовать и четвертый важный процесс, связанный с объяснением того, как сформировались условия для советско-литовского восприятия города. Этот процесс также объясняет, почему возможности допустимого по отношению к актуализации национальной культуры, которыми в 1960-х пользовались в Вильнюсе, почти не получали отклика в Клайпеде. Дело в качественном составе городского населения. Первая послевоенная перепись населения СССР, осуществленная в 1959 г., показывала, что литовцы тогда составляли 55,2 % жителей Клайпеды, а в 1970 г. их было уже 60,9 %⁷⁵. Доля русских по тем же данным снизилась с 35,7 % до 30,9 %. Однако относительное количественное преобладание литовцев еще ничего не означало. Клайпеда 1950-х – 1960-х гг. была городом, в котором преобладали рабочие. В секторе просвещения и культуры в 1960-е годы было занято около 4,6 % жителей Вильнюса, примерно 4,3 % жителей Каунаса, около 4 % жителей Шауляй и только приблизительно 3 % жителей Клайпеды⁷⁶. В 1959 г. учрежденный в ней скромный филиал Каунасского политехнического института на протяжении 1960-х гг. являлся единственным очагом высшего образования. Поэтому по сравнению с другими городами Литвы Клайпеда была городом без студентов. Во второй половине 1960-х в вузах Вильнюса училось около 25 тыс., Каунаса – около 20 тыс., Шауляй (городе, который тогда был почти в 1,5 раза меньше Клайпеды) – 3,6 тыс., а в вузе Клайпеды (точнее, филиале) – лишь чуть больше 700 студентов, да еще и технического направления. В рассуждениях о восприятии города это предельно важно, поскольку именно «работники культуры», как они

⁷³ JAKELAITIS, V. *Saulei leidžiantis – toks buvimas drauge*. T. 2. Vilnius, 2002, p. 24; ŽALYS, A. *Prisikėlimas. Prisiiminimai ir apmąstymai*. Klaipėda, 2005, p. 56; VAITIEKŪNAS, A. Tėvynė prasideda nuo tėviškės. Pamąstymai Alfonso Žalio fenomeno tematika. *Vakarų ekspresas*, 2009 10 22, Nr. 244 (5304); 2009 11 26, Nr. 274 (5334).

⁷⁴ Сравни: JAKELAITIS, V. *Op. cit.*, p. 213–225 (особенно p. 215).

⁷⁵ *Tarybų Lietuvos enciklopedija*. T. 2. Vilnius, 1986, p. 325.

⁷⁶ Следуя данным в: *Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija*. T. I–III. Vilnius, 1966–1971.

назывались в советские времена, учителя, преподаватели и студенты являются той социальной средой, в которой вероятность активной циркуляции значений, связанных с каким-либо восприятием города, будет наиболее высокой. Это особенно верно для людей гуманитарной направленности и представителей искусств, которых как раз Клайпедой и недоставало. Что касается национального восприятия города, следует добавить, что до 1970-х в последний раз история Литвы на уровне вуза в Клайпедой преподавалась в конце 1940-х в Учительском институте, который в 1956 г. был закрыт. Ученики средних школ республики истории Литовской ССР в виде отдельного предмета не обучались, а лишь знакомились с ней в общем контексте истории СССР.

При таких обстоятельствах на протяжении 1960-х гг. Краеведческий музей, краеведы, среди которых были, например, и такие фигуры как Владас Науседас, директор одной из средних школ города, и экскурсоводы практически единственные в городе могли воспринимать его в национальной системе значений и заявлять о таком восприятии публично. Естественно, распространять свое восприятие они старались как можно шире. Например, в 1964 г. была закончена реконструкция здания музея, воспользовавшись которой, сотрудники музея разделили экспозицию на два этажа. Отныне весь первый этаж был посвящен сюжетам об истории Малой Литвы, утвержденным в концепции истории Литовской ССР, т. е. «агрессии немецких феодалов», «политики колонизации и германизации» Пруссии «на литовском взморье», и соответственной интерпретации довоенного периода. Та же часть посетителей, которая желала осмотреть стенды об «освобождении» и «строительстве коммунизма», могла это сделать, вскарабкавшись на второй этаж. Кроме того, в июне 1971 г. произошло открытие обновленной экспозиции, и данное обновление опять-таки в основном затронуло отделы, связанные с доисторической эпохой, «агрессией немецких феодалов против литовцев», «развитием капитализма» и «буржуазным периодом», «развитием науки и культуры в Клайпедском крае». Последний отдел экспозиции, кстати, рассказывал о М. Мажвидасе, К. Донелайтисе и т. д. Чтобы решение все это изобразить никем не заблокировалось, была отдана дань и одному из наиболее популярных сюжетов советско-всесоюзного восприятия прошлого: так в экспозиции музея в 1971 г. появился стенд о пути «Искры» через Литву⁷⁷.

Несмотря на подобные уловки, к которым должен был прибегать Краеведческий музей, изображая в экспозиции советско-всесоюзное восприятие, но в тоже время, приспособлявая советско-литовские значения, среда влияния такого рода распространяемых знаний наверняка не была велика. Так в 1960 г. работники музея провели 34 экскурсии по городу, из которых сами клайпедчане участвовали лишь в пяти. Как утверждалось в печати, городским школам и профсоюзам отдельных предприятий в таких мероприятиях попросту недоставало заинтересованности⁷⁸. В 1964 г., уже после открытия новой экспозиции, директор музея все еще жаловалась, что приезжие гости составляют большую часть посетителей, некоторые руководители заводов не интересуются, как их предприятие представляется в музее, а организованных экскурсий в музей для рабочих предприятия почти не проводят⁷⁹.

⁷⁷ ELERTIENĖ, B. Klaipėdos kraštotyros muziejaus indėlis..., p. 46; Muziejuje – nauja ekspozicija. *TK*, 1971 06 13, Nr. 137 (7185); ELERTIENĖ, B. Klaipėdos istorija ir muziejus. *TK*, 1971 06 30, Nr. 151 (7199); ELERTIENĖ, B. *Klaipėdos kraštotyros muziejus: tarnybiniam naudojimui*. Klaipėda, 1975, p. 4–5 (все описание экспозиции: p. 10–35).

⁷⁸ KLIAUGA, V. Ar pažįstate savo miestą? *TK*, 1960 11 18, Nr. 263 (3941).

⁷⁹ ELERTIENĖ, B. Muziejus ir visuomenė. *TK*, 1964 10 08, Nr. 239 (5139).

Все же к концу 1960-х гг. условия для циркуляции в коммуникационных средах города значений национальной культуры стали более благоприятными. Изменились они, главным образом, вследствие решения городского руководства взяться за осуществление инициатив открыть в Клайпеде филиалы вузов Литвы гуманитарного направления. Так в 1971 г. на основе подразделений Шауляйского и Вильнюсского пединституты начал работу один, с 1974 г. – два, а с 1979 г. – три Клайпедских факультета Шауляйского педагогического института, которые в 1975 г. перешли в ведомство Государственной консерватории Литовской ССР. В 1975 г. дополнительно был учрежден Факультет дошкольного образования Шауляйского пединститута. В итоге число обучающихся в вузах студентов в Клайпеде к середине 1980-х достигло 3,6 тыс., т. е. уровня Шауляя 1960-х гг. В город прибыло немало молодых преподавателей, недавно окончивших вузы в Вильнюсе и в определенном смысле «перебросивших» значения, которые циркулировали в интеллектуальных средах Вильнюса, в Клайпеду.

Но расстановку сил в пользу поддержания советско-литовских значений в Клайпеде изменило не только это. Поддержание значений, связанных с литовской национальной культурой, которые были характерны для Вильнюса, нашли свой отклик в Клайпеде и через связи между художниками, архитекторами, сотрудниками учреждений по охране памятников и членами Общества охраны памятников и краеведения Литовской ССР. Все эти связи стали особенно активно развиваться именно на рубеже 1960-х – 1970-х гг., и городское руководство в этом процессе играло большую роль, например, активно используя такой инструмент, как обеспечение приглашенных в город художников или преподавателей квартирами вне очереди⁸⁰.

Общественное познание прошлого Клайпеды было стимулировано деятельностью Клайпедского отделения Общества охраны памятников и краеведения. Невзирая на то, что в работе этого отделения большую роль все еще играло познание истории «освобождения» и «революционного прошлого», о многом говорит тот факт, что заместитель председателя отделения общества В. Науседас в 1971 г. предлагал «поразмислити об издании, посвященном истории Клайпеды»⁸¹. Как примерно могла выглядеть эта история, можно предположить исходя из содержания публикаций самого В. Науседаса. В своих трудах, частично опубликованных в городской и республиканской печати, а частично оставшихся в рукописях⁸², данный автор больше всего внимания уделял истории литовского просвещения, биографиям отдельных деятелей Малой Литвы, разумеется, представляя все это в традиционной сюжетной линии об угнетении литовцев и их вечной борьбе против германизации.

Многие факты свидетельствуют о том, что в конце 1960-х – начале 1970-х годов в Клайпеде образовалась коммуникационная среда, в которой постижение городского прошлого происходило в русле отождествления его с прошлым Малой Литвы. Восприятие этого прошлого происходило в пределах традиционных сюжетов, приспособленных к советско-литов-

⁸⁰ JAKELAITIS, V. Op. cit., p. 26.

⁸¹ NAUSĖDAS, V. Atsiskaito kraštotyrininkai. *TK*, 1971 01 14, Nr. 11 (7059).

⁸² NAUSĖDAS, V. Klaipėdos krašto mokyklos XVII–XIX a. *TK*, 1957 12 08, Nr. 242 (3147)–1958 01 05, Nr. 4 (3167); NAUSĖDAS, V. Lietuviškos mokyklos Prūsijoje XVI–XVIII amžiais. In *Iš lietuvių kultūros istorijos*. T. 2. Vyr. red. J. ŽIUGŽDA. Vilnius, 1959, p. 320–332; NAUSĖDAS, V. Lietuvių kova prieš germanizaciją Klaipėdos krašto mokyklose. Rankraštis. Klaipėda, 1960; NAUSĖDAS, V. Kova su germanizacija Klaipėdos krašte. *Mokslas ir gyvenimas*, 1969, Nr. 11, p. 13–17; NAUSĖDAS, V. Klaipėdos kultūros istorijos bruožai. Rankraštis. Klaipėda, 1970; NAUSĖDAS, V. Pirmasis lietuvių laikraštinių. F. Kelio 170-osioms gimimo metinėms. *TK*, 1971 06 13, Nr. 137 (7185); NAUSĖDAS, V. Ansas Bruožis (95-osioms gimimo metinėms). *TK*, 1971 11 10, Nr. 264 (7312); NAUSĖDAS, V. Kristupas Lekšas: 100-osioms gimimo metinėms. *Kultūros barai*, 1972, Nr. 8, p. 65; NAUSĖDAS, V. Ansas Bruožis – bibliografas ir kultūros istorikas. *Mokslas ir gyvenimas*, 1976, Nr. 12, p. 36–37.

ской системе значений. Однако «сердцевиной» этого восприятия стали отдельные фигуры Малой Литвы, которые своей деятельностью поддерживали литовский язык и литовскую культуру. Таким образом, подтекстом восприятия являлось создание и поддержание альтернативы советско-всесоюзной системе значений, для которой, как известно, были характерны претензии на интернационализм и преобладание русского языка и русской культуры.

Еще в 1967 г. в Клайпеде было торжественно отмечено 70-летие писательницы Клайпедского края Евы Симонайтите, которая получила известность до войны и вновь обрела признание во времена десталинизации. А в своих трудах Е. Симонайтите недвусмысленно затронула вопрос национального самосознания литовцев. В следующем году было отмечено и столетие литовского философа из Малой Литвы Вильгельма Сторосты (Видунаса)⁸³, который также отдал много сил, убеждая литовцев Пруссии сохранить свою самобытность и не поддаваться ассимиляции. Уже упомянутый В. Науседас в городской печати в 1971 г. предлагал увековечить в городе имена таких деятелей, как писатель Йонас Жилиус, художник Адомас Бракас, Ева Симонайтите, Людвиг Реза⁸⁴. В начале 1980-х Клайпедское отделение Общества охраны памятников и краеведения вместе с городской библиотекой начало проводить ежегодные вечера, целью которых тоже было воспоминание о деятелях, поддерживавших «литовскость» Малой Литвы⁸⁵. Преимущественно при помощи усилий краеведов на рубеже 1970-х – 1980-х гг. произошла любопытная перемена в критериях присвоения отдельным объектам статуса исторического памятника (категория памятников, имевших историческое значение). Поначалу в список таких городских объектов попадали здания и места захоронения, связанные с «революционным прошлым». Но последний подобный объект обрел статус памятника в 1978 г. После этого в список вносились исключительно те здания и места захоронения, которые были связаны с деятельностью известных писателей, композиторов и др. личностей довоенного Клайпедского края⁸⁶.

Иначе говоря, в 1970-е – 1980-е гг. в Клайпеде происходило утверждение восприятие этого города в контексте Малой Литвы. Такое утверждение трудно назвать «второстепенным», поскольку городское руководство в этом процессе играло отнюдь не только роль наблюдателя. Вначале 1970-х оно не только санкционировало воплощение давней идеи сооружения в городе памятников К. Донелайтису и Геркусу Мантасу, но и пошло на хитрости ради того, чтобы эту идею не заблокировали вышестоящие инстанции. Памятник К. Донелайтису был торжественно открыт 29 декабря 1973 г., накануне 260-летия со дня рождения поэта⁸⁷. Он явился первым памятником, открытым в послевоенной Клайпеде, но не связанным с восприятием города в советско-всесоюзной системе значений. Поскольку официальное разрешение было получено лишь на создание бюста, скульптор Пятрас Делтува использовал бюст, который он ранее создал для клайпедской школы им. К. Донелайтиса, и вмонтировал его копию в верхушку пятиметровой гранитной статуи. Так «бюст» стал памятником, но и на открытии памятника, и в его профессиональной критике по-прежнему утверждалось, что это своего рода «оригинальный бюст». Правда, по поводу памятника Геркусу Мантасу подобную хитрость осуществить не удалось. Монумент был также изготовлен в 1973 г. с одобрения

⁸³ KALTENIS, V. *Ak, gražus dangau! Klaipėdietiški pasakojimai*. Vilnius, 2008, p. 162, 204, 205.

⁸⁴ NAUSĖDAS, V. *Atsiskaito kraštotyrininkai*. TK, 1971 01 14, Nr. 11 (7059).

⁸⁵ AUKŠTAITIS, P. *Mokslininkai apie Mažosios Lietuvos kultūros veikėjus*. TK, 1981 12 27, Nr. 298 (10367); TK, 1982 12 19, Nr. 291 (10680); ARŪNAS, G. *Pagerbė kultūros vyrus. Literatūra ir menas*, 1984 01 14, Nr. 2 (1937).

⁸⁶ Сравни: *Lietuvos TSR kultūros paminklų sąrašas*, Vilnius, 1973, *Lietuvos TSR kultūros paminklų sąrašas (tęsinys)*, Vilnius, 1977, *Lietuvos Respublikos istorijos ir kultūros paminklų sąrašas (1978–1990 m.)*, I–II daly, Vilnius, 1993.

⁸⁷ TK, 1973 12 30, Nr. 305 (7967).

городского руководства, но его строительство, опасаясь реакции, заблокировало Министерство культуры Литовской ССР⁸⁸. Четырехметровую статую литовского героя борьбы пруссов против крестоносцев удалось воздвигнуть лишь в октябре 1986 г., после очередной попытки скульптора Витаутаса Мачуйки и руководства исполкома нейтрализовать консервативную реакцию. Но и тогда статую пришлось соорудить лишь в качестве вмонтированного в стену декоративного акцента, а не центральной достопримечательности сквера, предназначенного для нее, как первоначально предполагали скульптор и архитектор.

Еще большая роль не только городского, но и республиканского руководства заметна в увековечивании памяти Е. Симонайтите. Еще в 1977 г. ей было присвоено звание Почетного гражданина города⁸⁹. Среди других обладателей такого звания, большинство которых были связаны с историей «освобождения» города, личность писательницы явно выделялась. После кончины Е. Симонайтите в 1978 г. решением Совета министров и ЦК КП Литвы ее имя было присвоено Клайпедской общественной библиотеке, а исполком был обязан назвать в ее честь одну из улиц города⁹⁰. Два дома в Клайпедзе, в которых писательница проживала до войны, в 1980–1981 гг. были объявлены историческими памятниками местного и республиканского значения. К 90-й годовщине (1987 г.) со дня рождения Е. Симонайтите, также отмеченной в городе при участии городского руководства⁹¹, в них планировалось создать мемориальный музей⁹² (идея не была осуществлена).

Все это говорит о том, что, оценивая восприятия Клайпеды 1970-х – 1980-х гг. в советско-всесоюзной и советско-литовской системах значений как конкурировавшие (а на это имеются основания), на самом деле трудно однозначно ответить на вопрос, которое из них преобладало. Реконструированный в 1975 г. мемориал на братском кладбище с его новым центральным акцентом – в землю вонзающимся мечом, новая статуя Ленина, установленная на площади Ленина в 1976 г., и скульптурная композиция воинов Советской армии, открытая на братском кладбище в 1980 г., стали тремя последними памятниками, возведенными в Клайпедзе в советский период и непосредственно связанными с утверждением в ней знаков, обозначающих принадлежность города к советскому пространству. С другой стороны, утвержденный в марте 1988 г. перспективный план строительства новых памятников в Литовской ССР, составленный на основе ранее полученных предложений исполкомов и общественных организаций, предусматривал, что до 1995 г. в Клайпедзе будут возведены четыре новых памятника – Дружбе народов, Еве Симонайтите, Мартинасу Мажвидасу и Книгоноше (символу литовского национального движения XIX века)⁹³. Три из них, как видно, были связаны с актуализацией символов и образов национальной культуры, приспособленной к Малой Литве. Уже во времена начавшихся реформ (вторая половина 1988 г. – 1989 г.) Клайпедский отдел Общества краеведения был переименован в Общество краеведения Малой Литвы, Краеведческий музей – в Музей истории Малой Литвы, газета Клайпедского отдела Движения за перестройку в Литве («Саюдиса») в июле 1988 г. начала издаваться под названием «Малая Литва», и даже

⁸⁸ STUBRA, A. Pavėluotas pristatymas. *Klaipėda*, 1992 12 31, Nr. 271 (13599); ŠEPETYS, L. *Neprarastoji karta. Siluetai ir spalvos: Atsiminimai*, Vilnius, 2005, p. 189–190.

⁸⁹ *TK*, 1977 02 09, Nr. 33 (8917).

⁹⁰ *TK*, 1979 01 18, Nr. 15 (9504).

⁹¹ Gyvenimu ir kūryba su Klaipėda susijusi. *TK*, 1987 01 30, Nr. 24 (11913).

⁹² PLEČKAITIS, V. Ilgėja paminklų sąrašas. *TK*, 1981 11 15, Nr. 262 (10351).

⁹³ Paminklų ir monumentų sukūrimo perspektyvinis planas, Priedas prie LTSR Kultūros ministro J. Bielinio rašto Nr. 05/1-07-403 LKP CK, LTSR Ministrų Tarybai, 1988 03 23. *LYA*, f. 1771, ap. 271, b. 219, l. 29–30.

при обсуждении идеи учреждения в Клайпеде университета была высказана мысль⁹⁴, что воспринимать эту идею следует как попытку создания университета Малой Литвы.

Итак, сюжеты, символы и образы, связанные с прошлым Малой Литвы, какими они представлялись в советско-литовской системе значений, в 1970-е – 1980-е годы стали обычными инструментами повествования о прошлом Клайпеды не только в дискурсе краеведов. Из-за присвоенного им статуса «альтернативного» восприятия города по отношению к его восприятию в советско-всесоюзной системе значений эти инструменты стали использоваться в качестве приемлемой формы выражения своеобразия Клайпеды.

Однако сюжеты, символы и образы, связанные с прошлым Малой Литвы, не были единственными инструментами, посредством которых такое своеобразие конструировалось.

«Клайпеда должна оставаться Клайпедой»

Чувство уверенности в том, что Клайпеда для новоселов станет их домом, как отмечено выше, создавалось по-разному. Воспринимая город в советско-всесоюзной системе значений, предполагалось расторжение связей с городским прошлым и конструирование общности между городом и новоселами исключительно посредством развития гордости за достижения советского строя. Воспринимая же Клайпеду в советско-литовской системе значений, предпринимались попытки поиска взаимосвязей между городом и нарративом о прошлом Литовской ССР (т. е. рассказом о борьбе литовского народа против его угнетателей), к которому легко приспосабливались традиционные сюжеты, символы и образы, связанные с литовской культурой в Малой Литве. На уровне материальных объективаций в обоих случаях проявлялись попытки присвоить город, главным образом используя при этом вновь созданные объекты. Отдельные довоенные здания, объявленные революционными или историческими памятниками в связи с тем, что в них когда-то жили люди, связанные с «революционным» движением или литовской культурой, ничем не выделялись, поэтому попытки найти точки соприкосновения с материальным наследием, можно сказать, практически не предпринимались. Но на то имелись объективные причины.

Во-первых, многие новоселы из-за войны, переселения с привычного местожительства, расторжения отношений с предками ослабили связи с прошлой окружающей средой. Для начала новой жизни на новом месте прошлое нередко должно было подвергнуться забвению или, по крайней мере, деактуализации. Стремление к новой жизни и вера в то, что ее удастся создать на новом месте, была всеобщей. Совпадая с эволюционистским мышлением, имевшим начало в XIX веке и опиравшимся на постулат развития всего окружающего из форм более примитивных в формы более прогрессивные, такое стремление предполагало связывание надежд с будущим. Кроме того, эти надежды поддерживались, с одной стороны, сложным материальным положением после разрушившей все войны, а с другой – пропагандой, утверждавшей, что такое положение можно преодолеть беззаветным трудом. В такой ситуации само обращение к прошлому зачастую выходило за пределы заинтересованности.

Во-вторых, в первые послевоенные десятилетия недостаточность отождествления с материальным наследием была естественной еще и потому, что как раз чуждое и непонятное наследие на уровне повседневности могло вызвать чувство, что город, в котором мы находимся, вовсе не наш. Множество непривычных для новоселов зданий, надписей, элементов

⁹⁴ Сравни: BIELSKIS, A. Mažosios Lietuvos universitetas. *TK*, 1989 03 24, Nr. 69 (12558).

благоустройства были непонятными. Столкновение с непривычным чаще всего провоцирует реакцию отбрасывания, на что, в принципе, наталкивало и упрощенное восприятие всего наследия в качестве «немецкого», т. е. «не нашего». Чувства необходимости сохранить это наследие не было еще и потому, что оно не могло восприниматься в качестве «своего» и в смысле собственности. На доставшиеся им материальные объекты новоселы смотрели как на «добычу», «возмездие» за потери, понесенные в годы войны, «подарок», обретение которого не требовало больших затрат. За исключением той части клайпедчан, которая вернулась в свой дом, знакомые им места или нуждалась в поддержании традиции (например, религиозной), особого интереса в сохранении наследия у новоселов не было.

Разумеется, в первые послевоенные годы город должен был разместиться в тех пространствах, которые ему достались. Заводы и предприятия начали действовать в зданиях бывших заводов и предприятий, школы – в зданиях бывших школ. Это требовало не только хотя бы минимального познания того, что и как здесь функционирует, но и заинтересованности в ремонте домов, в которых придется жить или работать, в починке оборудования, которое придется как-то применять и что-то на нем производить. Одновременно приоритет приспособления городского облика к своим нуждам предопределял расчистку развалин в поисках строительного материала или с целью благоустройства, расширение дорог для создания более удобного проезда. Все это, как и строительство первых послевоенных жилых домов на рубеже 1940-х – 1950-х гг., так или иначе сказывалось на материальном наследии. Однако до конца 1950-х гг., за исключением отдельных городских кварталов, довоенный облик Клайпеды был изменен несущественно.

Положение резко изменилось во второй половине 1950-х и в 1960-е гг., в течение которых произошли наиболее интенсивные перемены во внешнем облике городских пространств. Возведение первых кирпичных «хрущевок» в Клайпед в 1958–1959 гг. открыло этап серийного строительства типичных многоэтажных домов, которые поодиночке «вмещались» в застроенную среду либо строились кварталами. Продолжавшееся до конца советского периода расширение города, которое началось в конце 1950-х, наконец-то позволило почувствовать, что началось строительство новой социалистической Клайпеды, а это в свою очередь порождало мысль, что со всем старым, т. е. неудобным, непрактичным и устаревшим, можно будет покончить. Радикальные планы обеспечения семьи каждого рабочего отдельной квартирой осуществлялись при помощи выселения семей из переполненных квартир в центре города, единственными удобствами в которых было электричество и холодная вода, в новые малогабаритные квартиры со всеми удобствами. Социалистический город должен был выглядеть соответственно, поэтому именно в конце 1950-х гг. были приняты меры по его «приведению в порядок». Эти меры, в частности, предполагали окончательную расчистку города от развалин довоенных костелов. С помощью военной техники в 1959 г. было снесено здание бывшего Литовского костела евангеликов-лютеран (нем. *Litauische Kirche*), которое в конце войны почти не пострадало и которое официально действовавшая лютеранская община города пыталась заполучить⁹⁵. Для нового города требовалось новое кладбище, которое было открыто в январе 1959 г., а все старые кладбища Клайпеды, на которых захоронения проводились и после войны, решением исполкома от 1958 г.⁹⁶ были закрыты. Большинство обвет-

⁹⁵ *Memeler Dampfboot*, 111. Jhg, 5.3.1960, Nr. 5, S. 58, BALTRIES, M. Gottes Wort war unser Trost. *Memeler Dampfboot*, 113. Jhg, 20.4.1962, Nr. 8, S. 108.

⁹⁶ VK sprendimas Nr. 233 Dėl kapinių užlaikymo tvarkos Klaipėdos mieste, 1958 05 23. *KLAA*, f. 104, ap. 1, b. 305, l. 182–186.

шавших кладбищ на рубеже 1950-х – 1960-х гг. было уничтожено, а надгробные памятники использовались в качестве стройматериалов. На месте многих кладбищ появились или были запланированы парки. Та же участь была уготована и старинным зданиям. В 1960 г. в городе началась кампания по ликвидации так называемых «аварийных» и «малоценных» домов, многие из которых стали такими из-за того, что после войны не осуществлялся надлежащий уход за ними, или же они очутились на трассах запланированных дорог и инженерных коммуникаций. Всего в списки подлежащих сносу домов в 1960-х гг. попало около 400 зданий⁹⁷ (план в данном случае не был осуществлен полностью). Другая часть старинных зданий в 1960-е гг. была подвергнута капитальному ремонту и реконструкции, в ходе которых эти здания меняли свой облик и планировку до неузнаваемости.

Трудно сказать, пробуждало ли такое отношение к материальному наследию какие-либо эмоции у жителей Клайпеды. Неизвестно, вызвал ли снос Литовского костела в 1959 г. недовольство за пределами лютеранской общины, которая пыталась его предотвратить. У малочисленных краеведов и отдельных энтузиастов кампания ликвидации старых домов, кладбищ и т. д. возбуждала лишь потребность фиксировать уничтожаемое на фото пленку, делать любительские чертежи и зарисовки, собирать реликты прошлого. Случаи своевременного вмешательства историков, имеющих профессиональную компетенцию, были. Так от попытки разрушения был спасен уже упомянутый памятник участникам военной акции 1923 г., так удалось спасти и памятник солдатам Российской империи, погибшим в пределах Клайпеды в 1915 г., которой находился на одном из городских кладбищ и который во время ликвидации кладбищ уже начал разрушаться. Но общей тенденции создания нового городского облика все это изменить не могло.

Отношение к материальному наследию Клайпеды начало меняться лишь в конце 1960-х. Главную роль в этих переменах сыграли сотрудники Реставрационных мастерских, работавшие в Вильнюсе и в Каунасе, а также архитекторы Литвы, в обществе которых в середине 1960-х (возможно, из-за перемен, связанных с отставкой Н. Хрущева) появились сомнения по поводу всеобщего функционализма в архитектуре, приоритета серийного строительства. Возникли стремления, приспособившись к ограничениям, заданным лимитами и советским ассортиментом стройматериалов, найти более оригинальные способы архитектурного выражения, которые предполагали, в частности, попытки выявления локальных архитектурных традиций и возобновления связей с ними. Именно в среде сотрудников Реставрационных мастерских и архитекторов в 1960-е годы было обращено внимание на своеобразие старого города Клайпеды и на тот факт, что все больше элементов этого своеобразия уничтожается.

В 1968–1969 гг. после принятия Закона об охране памятников культуры Литовской ССР от 1967 г. в республиканской печати началось открытое давление на Клайпедский исполком⁹⁸. Много шума поднялось из-за находок первых послевоенных археологических раскопок на территории Клайпедского замка, проведенных осенью 1968 г. научным сотрудником Института истории Академии наук Литовской ССР Адольфасом Таутавичюсом. В ходе этих раскопок были найдены фрагменты фундамента и каменной стены замка, предварительно датирован-

⁹⁷ Подробнее смотри: SAFRONOVAS, V. Prarastoji Klaipėda. 1944–1969 metai. In DEMERECKAS, K.; SAFRONOVAS, V. *Klaipėda, 1945–1965...: fotoalbumas*. Klaipėda, 2010, p. 24–27.

⁹⁸ Например, MAČIULIS, A. Senamiesčiai, jų apsauga ir rekonstrukcija. *Statyba ir architektūra*, 1968, Nr. 4, p. 14; LANKAUSKAS, R. Koks likimas laukia Klaipėdos senamiesčio? *Literatūra ir menas*, 1969 12 20, Nr. 51 (1205).

ные первой половиной XIV века⁹⁹. Весть о находке столь ранней в контексте Литвы каменной постройки, разумеется, сопутствовала тому, что летом 1969 г. не только территория замка, но и часть старой застройки города решением Совета Министров были объявлены историческим, архитектурным и урбанистическим памятником республиканского значения. Кроме того, в 1969 г. в Клайпеде при исполкоме был учрежден отдел Института консервации памятников, отдел Реставрационных мастерских и Инспекция по охране памятников культуры.

Какое значение это имело для перемен в восприятии Клайпеды?

1. В Клайпеде начался процесс присвоения материального наследия, в течение которого прилагались усилия по опровержению и нейтрализации его упрощенного восприятия в качестве «немецкого» наследия. В ходе этого процесса действие происходило на законодательном и на ментальном уровне. На первом уровне наиважнейшей целью стало достижение узаконивания наследия как ценности, подлежащей сохранению. Включение территории замка и старого города в списки памятников в данном случае являлось лишь первым шагом. В начале 1970-х в Клайпедском отделе Института консервации памятников был разработан проект регенерации старого города, авторы которого представили научно-обоснованную точку зрения на ценности отдельных элементов старого города и всего старого города в целом, на способы его сохранения и на его место в структуре всего города. Утвержденный в 1975 г. проект выделялся и попыткой обосновать уникальность старого города¹⁰⁰. Правильная прямоугольная уличная сеть, целостность композиции застройки, остатки фортификационных сооружений города и замка, здания фахверковой конструкции, которые еще в 1960-х планировалось снести в первую очередь, вследствие их уникальности признавались основными ценностями старого города. Кроме того, положение о том, что старый город является ценностью и «сердцем» Клайпеды, нашло свое место и в новом генеральном плане города, утвержденном в 1977 г.¹⁰¹ Таким образом, выводы научных исследований, подготовленные историками, искусствоведами, архитекторами, т. е. профессионалами, сплоченными в Институте консервации памятников, стали важнейшими факторами, позволившими на законодательном уровне утвердить необходимость сохранения хотя-бы той части наследия, которая была выделена в качестве «старого города». Можно сказать, что здесь свою роль сыграла конъюнктура советской экономики брежневского периода, в которой слово профессионалов, основанное на анализе и исследованиях, играло отнюдь не второстепенную роль. Закон можно было использовать для предотвращения каких-либо сомнений в целесообразности регенерации старого города и отдельных зданий в городе, получивших статус памятника.

Но не менее важную роль играла легитимация этого узаконения, действия на ментальном уровне, целью которых была аргументация необходимости сохранения наследия. Первоначальные попытки ее создания воплотились в особого внимания заслуживающем явлении – дискуссии, которая в конце 1969 г. происходила на страницах городской газеты «Советская Клайпеда», а частично затронула и республиканскую печать¹⁰². Спровоцировала эту дискуссию история демонтажа нескольких зданий в старом городе, вызвавшая протест Союза ар-

⁹⁹ TAUTAVIČIUS, A. Klaipėdos pilies teritorijos šiaurinės dalies bandomieji kasinėjimai 1968 metais. *Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1968 ir 1969 m.* Vilnius, 1970, p. 39.

¹⁰⁰ Klaipėdos senamiesčio regeneracijos projektas T-17. *Klaipėdos miesto savivaldybės administracijos Urbanistinės plėtros departamento Paveldosaugos skyriaus archyvas*, b. F5-S, PRIKOCKIS, S.; ZUBOVIEŅĖ, N.; ZUBOVAS, V. Klaipėdos senamiesčio regeneracijos projekto problemos. *Architektūros paminklai*, 1982, t. VII, p. 23–29.

¹⁰¹ PRIKOCKIS, S. Sudarytas naujas Klaipėdos miesto generalinis planas. *TK*, 1977 06 16, Nr. 141 (9025).

¹⁰² GUOGIS, V. Klaipėda turi likti Klaipėda. *TK*, 1969 11 18, Nr. 270 (6705); MARTINKUS, P. Klausimai laukia atsakymo. *TK*, 1969 12 02, Nr. 282 (6717); ELERTIENĖ, B.; PUTRIUS, J. Lietuvių baudžiauninkų sukurta. *TK*,

хитекторов и закончившаяся отставкой главного архитектора города. Участники дискуссии сошлись во мнении, что разрушение старых зданий в городе должно прекратиться, ибо, демонтируя старинные дома, старинную брусчатку и т. д., город теряет свою оригинальность и своеобразие. «Клайпеда должна оставаться Клайпедой» – задал тон один из инициаторов дискуссии архитектор Вайдотас Гуогис.

Участники дискуссии, естественно, понимали, что жители города практически не были «подготовлены» к внезапному предложению по-новому воспринимать Клайпеду через ее наследие. Именно поэтому они пытались как-то нейтрализовать упрощенное восприятие наследия как «немецкого», т. е. «не нашего», пытаясь вписать свои предложения в рамки устоявшихся схем восприятия города. Первоначальные подобные действия обосновывались логикой, что наследие, дабы оно не воспринималось как «немецкое», должно превратиться в «советско-литовское» или, по крайней мере, «советское». Так В. Гуогис заявил, что «Клайпеда – литовский город. В конце XVIII столетия даже 80 % жителей Клайпеды были литовцами, когда в то же время в старом городе Каунаса проживало около 10 % литовцев. Поэтому разговоры о том, что здания, разрушающиеся в городе-порте, построены немцами и нет необходимости их сохранить, неправильны.» Сотрудники Краеведческого музея Б. Элертене и Йонас Путрюс, хоть и высказывали обоснованные сомнения по поводу В. Гуогисом представленной статистики, в принципе тоже пытались легитимировать сохранение наследия подобными аргументами: «Исторические источники показывают нам, что на самом деле старинные замки и города строились [...] поработанными местными жителями. [...] В городе крупные стройки и оборонительные сооружения выполнялись литовцами. [...] Старинные архитектурные памятники Клайпеды для нас должны быть еще ценнее и ближе, поскольку их создали натёртые руки наших прадедов.» Другой участник дискуссии архитектор Эдмундас Мисюлис также утверждал, что регенерация старого города должна происходить в «духе народных традиций», естественно, подразумевая народ литовский, а член совета городского отделения Общества краеведения Пранас Мартинкус пошел еще дальше. «Не хотел бы согласиться с В. Гуогисом, – писал он, – что старый город Клайпеды надо сохранять потому, что он является литовским старым городом. Выходит, если бы его строили не литовцы, сохранить его не следовало бы. Это в принципе неправильная мысль, противоречащая *ленинскому подходу* к культурному наследию и его сохранению. [Курсив мой – В. С.]». Таким образом, в качестве аргументов за регенерацию старого города использовались значения, заданные преимущественно советско-литовским восприятием города. «Ленинский подход», в свою очередь, сигнализировал, что не исключалась возможность использовать для этого и советско-всесоюзное восприятие.

Все же следует подчеркнуть, что использование таких аргументов, весомость которых, возможно, ставилась под сомнение даже теми, кто их использовал, было характерно лишь для начального этапа появления интереса к сохранению наследия. Исторические исследования города и его отдельных архитектурных и урбанистических элементов, которые стали проводиться в Клайпедском отделе Института консервации памятников с целью обоснованной подготовки проектной документации, в конце концов, предопределили появление оригинального восприятия города в локальной системе значений. Не сюжет о строительстве социализма и не сюжет о многовековой борьбе литовцев против их угнетателей, а сюжет о развитии города предъявил претензии на свое существование. Правда, при необходимости в

1969 12 10, Nr. 288 (6723); MISIULIS, E. Liaudies tradicijų dvasia. TK, 1969 12 14, Nr. 292 (6727); LANKAUSKAS, R. Koks likimas laukia Klaipėdos senamiesčio? *Literatūra ir menas*, 1969 12 20, Nr. 51 (1205).

его конструировании происходило приспособление к советско-литовскому восприятию города или к догме «дружбе народов» («интернационализму»). Кроме того, локальное восприятие города, основанное на постижении его своеобразия, не могло существовать без контекста, и роль контекста в данном случае исполняло наследие Литвы. Таким образом, бывшее наследие Восточной Пруссии не только перестало восприниматься в качестве «немецкого» «по умолчанию». Чтобы новые жители города поняли его ценность и уникальность, оно должно было быть представлено именно в контексте Литвы.

Но в отличие от советско-литовского восприятия Клайпеды, которое предполагало отождествление с элементами литовской национальной культуры, связанными с Малой Литвой и советской идеологией, восприятие Клайпеды в локальной системе значений происходило через отождествление с материальными объектами, которое не требовало приспособления идеологических установок или культурных конвенций. Познание культурного наследия совершалось как постоянный процесс, т. е. локальное восприятие города не основывалось на готовых символах, значениях и схемах развития, характерных для советско-литовского и советско-всесоюзного восприятий. Отсутствие готовых ответов обуславливалось фактом, что в 1970-е – 1980-е гг. в Клайпедѐ – городе, оставшимся без архивов и книг о довоенной истории, – происходило интенсивное накопление данных посредством поисков исторических источников, археологических раскопок и т. д. Вместе с тем, отсутствие готовых ответов могло поощрять образование и поддержание живого и постоянного интереса к наследию и городскому прошлому среди жителей города. Им предлагалось познание не при помощи создания совершенно оформленного нарратива, который было бы достаточно прочесть один раз, а через лекции, доклады, статьи в городской печати, которые предполагали постоянное стимулирование интереса. В действиях такого рода огромную роль сыграли профессионалы – историки, археологи, искусствоведы, архитекторы, а также члены отделения Общества краеведения.

О многом свидетельствует тот факт, что в 1970-е годы в городской печати произошел своеобразный прорыв по опубликованию статей об истории города. Разумеется, масштабы его были относительными, но, учитывая, что в последний раз городская газета баловала читателей статьями о довоенном прошлом города в 1956–1958 гг.¹⁰³, следует отметить, что перемена в начале 1970-х все же произошла. Авторы статей, среди которых особенно выделялись археолог Владас Жулкус и историк Йонас Таторис¹⁰⁴, профессионально писали об археологических раскопках, которые проводились в старом городе и в руинах Клайпедского замка, о больше не существующих Каменных воротах, от которых осталось лишь название улицы Кулю Вартай, спорили о времени формирования правильного прямоугольного плана

¹⁰³ В конце 1956 г. был опубликован первый в городской газете очерк об истории Клайпедского замка: *Klaipėdos tvirtovė. TK*, 1956 11 25, Nr. 234 (2880). В 1957–1958 гг. городская газета опубликовала цикл эссе Броне Элертене об истории города, цикл статей В. Науседаса о школах Клайпедского края в XVII–XIX столетиях и цикл статей В. Канцевичуса о «революционном» прошлом Клайпедского края. Сравни: *ELERTIENĖ, B. Iš mūsų miesto istorijos. TK*, 1957 10 06, Nr. 198 (3103) – 1957 12 01, Nr. 237 (3142); *NAUSĖDAS, V. Klaipėdos krašto mokyklos XVII–XIX a. TK*, 1957 12 08, Nr. 242 (3147) – 1958 01 05, Nr. 4 (3167); *KANCEVIČIUS, V. Iš Klaipėdos krašto revoliucinės praeities. TK*, 1958 04 13, Nr. 74 (3237) – 1958 06 29, Nr. 128 (3291).

¹⁰⁴ *TATORIS, J. Amžių kryžkelėje. TK*, 1972 06 11, Nr. 136 (7492); *ŽULKUS, V. Tyrimai senamiestyje. TK*, 1972 07 06, Nr. 157 (7513); *TAUTAVIČIUS, A. Kūlių vartai. TK*, 1972 07 16, Nr. 166 (7522); *ŽULKUS, V. Archeologinius kasinėjimus pradėjus. TK*, 1974 12 22, Nr. 297 (8264); *ŽULKUS, V. Nauja apie Klaipėdos pilį. TK*, 1975 12 03, Nr. 283 (8554); *ŽULKUS, V. Senosios Klaipėdos beiėškant. TK*, 1977 04 23, Nr. 95 (8979); *MIŠKINIS, A. Klaipėdos genezės ir urbanistinės raidos problemos. TK*, 1979 01 20, Nr. 17 (9506); *MIŠKINIS, A. Dabartinio plano susidarymo laikas. TK*, 1979 01 27, Nr. 23 (9512).

старого города. Ни литовское, ни всесоюзное восприятие города здесь практически не имело значения. Это подтверждает и тот факт, что люди, заполнявшие содержимым локальную систему значений, посредством которой воспринимался город, не видели особой проблемы даже в том, чтобы актуализировать немцев, связанных с историей города. Так в 1976 г. в городской газете местные краеведы объявили¹⁰⁵ о поисках следов памятника немецкому поэту, ректору Альбертины Симону Даху, который в 1912 г. был построен на средства горожан на базарной площади города («Анхен из Тарау»). «Кроме литовцев, в городе родились, росли, жили или каким-то другим образом оставили свой след и некоторые деятели немецкой культуры», – писал В. Науседас в статье «Куда пропала скульптура Анки из Тарау?», далее перечисляя таких деятелей как астроном Фридрих Вильгельм Аргеландер, композитор Рихард Вагнер, прославившийся находками Трои и Микен предприниматель и археолог-любитель Генрих Шлиман. Неизвестно, вызывали ли такого рода статьи какую-либо консервативную реакцию, но с начала 1980-х по 1986 г. статей о прошлом Клайпеды в городской газете практически не появлялось. Правда, это не означало, что наследие оставалось в печати без внимания. Репортажи о ходе регенерационных работ, которые проводились в старом городе и на отдельных объектах вне его пределов, часто втиснутые в рамки рассказов об отважном труде советских рабочих или о выполнении производственных планов, в любом случае создавали представление о древности города и о важности сохранения наследия.

2. Здесь следует перейти к другой значимой перемене, которую предопределили изменения в восприятии наследия, произошедшие на стыке 1960-х – 1970-х годов. Архитектурное наследие Клайпеды было востребовано для его превращение в посредника, репрезентирующего город и городское прошлое. Предпринимались попытки основать восприятие города на том, что Алоиз Ригль когда-то назвал «ценностью давности»¹⁰⁶, т. е. наследие становилось ценным, прежде всего из-за того, что его давность и старинность, которые люди могли легко и без особых дополнительных знаний распознать, являлась ссылкой на старинность самого города. Именно в таком качестве наследие представлялось в многочисленных фотографиях зданий, скверов и панорам старого города, которые, начиная с 1970-х, а особенно в 1980-е гг., когда регенерационные работы в старом городе порядком продвинулись, стали печататься как в городской газете, так и в познавательных изданиях о городе. С одной стороны, эти фотографии печатались в качестве иллюстраций достижений советского строя и советских рабочих, но с другой стороны, они рассказывали вовсе не о советской, а о старинной Клайпед. Актуализация последней при использовании не только фотографий, но и самих материальных объектов, превращенных в медию (посредников), делала невозможной мысль о том, что Клайпеду можно воспринимать лишь в советском контексте, точкой отсчета которого являлся 1945 год. Сколь приемлемым стало локальное восприятие Клайпеды, показывают опубликованные в 1970-х – 1980-х гг. познавательные издания и одобренные горкомом Компартии фотоальбомы о городе¹⁰⁷, в которых иллюстрации с изображениями элементов старого города занимали все большее место, а начинать рассказ о Клайпед с XIII века стало нормой.

¹⁰⁵ NAUSĖDAS, V. Kur Taravos Onutės skulptūra? *TK*, 1976 04 18, Nr. 91 (8668).

¹⁰⁶ RIEGL, A. The Modern Cult of Monuments: Its Character and Its Origin [1903]. *Oppositions*, 1982, Vol. 25, pp. 31-34.

¹⁰⁷ BUTKUS, V. *Klaipėda*. Vilnius, 1972 (повторные, измененные и дополненные издания: Vilnius, 1975; Vilnius, 1980; на русском языке: Вильнюс, 1972; на немецком языке: Vilnius, 1972; 2. Aufl. Vilnius, 1977); ZAVADSKIS, A. *Klaipėda*. Sud. A. VAITIEKŪNAS. Vilnius, 1977; *Klaipėda*. Sud. A. GARLIAUSKAS. Vilnius, 1983; *Lietuvos miestai. Klaipėda*. Sud. R. MACIENĖ. Vilnius, 1986; MARTINKUS, P. *Klaipėda: mažasis vadovas*. Vilnius, 1988; *Klaipėda*. Compiled by J. SARTATAVIČIENĖ. Vilnius, 1988.

Одним из наиболее значимых достижений комплексной регенерации старого города стало создание культурной функциональной зоны, которая концентрировалась в западной его части. Таким образом, постройки, названные «старым городом», в отличие от «немых» скульптур, в лучшем случае требующих четко оформленных ритуалов, были превращены в пространство активного посещения и различных культурных практик. Музей народного быта, дворец выставок, художественные мастерские, галерея, драматический театр, разнообразие кафе, рестораны, аптеки с оригинальными интерьерами, магазинчики, отличающиеся от гастрономов и универмагов своим уютом, – большинство этих учреждений, разместившихся в объектах архитектурного наследия, начало действовать в старом городе именно в течение его регенерации. Повседневное их посещение, разумеется, способствовало пониманию, что кроме советской Клайпеды с характерными для нее домами серийного строительства, в которых все квартиры были спланированы одинаково и даже обставлены одинаковой мебелью, существовала еще старинная Клайпеда, выделяющаяся своеобразной, «старинной» архитектурой и скромными украшающими деталями. Естественно, что именно эта – своеобразная и оригинальная, а не серийная и типичная – часть города становилась не только объектом творческого вдохновения (в картинах отдельных художников), но и репрезентацией всего города. Как обычным его жителям, так и руководству Клайпеды уже было недостаточно рассказывать другим о том, как успешно в городе-порте строится социализм и проходит социалистическое соревнование. Этот рассказ был существенно дополнен медиами, которые могли показать своеобразие города в контексте Литвы или даже Советского Союза.

Одним из успешнейших примеров использования архитектурного наследия с целью создания в нем привлекательных и репрезентативных объектов в масштабах не только Клайпеды, но и всей Литвы, стала проходившая в 1972–1979 гг. регенерация форта конца XIX века на острие Куршской косы. В 1979 г. там был открыт Морской музей и аквариум, вскоре ставший одним из наиболее привлекательных и посещаемых музеев в Литве. В такой же привлекательный символ, культурную достопримечательность и своего рода визитную карточку Клайпеды превращалась и часть старинной застройки, в 1969 г. названная «старым городом», регенерация которой так и не была закончена в связи с экономическими переменами на рубеже 1980-х – 1990-х годов.

Таким образом, наибольшую значимость регенерация архитектурного наследия, вне обсуждения методов, которыми она осуществлялась, обрела именно в качестве вновь созданного символа, посредством своеобразия которого предлагалось воспринимать город в контексте других городов, прежде всего, Литвы. Локальная система значений способствовала отречению от понятия, что клайпедчане являлись «такими же, как все», «одними из многих», которое так долго утверждалось прежде. Посредством этой системы совершавшееся постижение, что важно, происходило при попытках примириться с прошлым, нейтрализуя восприятие его материальных реликтов в качестве «немецких» и привлекая их для обоснования локального своеобразия. Такое своеобразие, что не менее важно, было понятно людям без особых знаний, особенно тем, кто приехал в город из других районов Литвы на рубеже 1960-х – 1970-х, когда культурное наследие стало актуальным. Очевидная «старинность» и особенность застройки старой части этого города указывала им на своеобразие Клайпеды куда более отчетливо, чем приспособленные к Клайпедке идеологические установки или значения национальной культуры. В этом смысле подобное локальное восприятие являлось

восприятием «упрощенным», не требовавшим познания значений, спланирующих всех, а более приспособленным к наклонности людей к индивидуализму, поиску своеобразия и стремлениям выделяться из масс, которые являлись адресатом официального советского дискурса. В эпоху, когда выросло первое послевоенное поколение с характерными для него претензиями на индивидуальную оригинальность, склонностями приспособиться к двойственности повседневной и общественной сторон коммуникации и тем самым выдерживать дистанцию по отношению к последней, эта перемена была своевременной.

Вместо заключения. Изменения и преемственность

Представленное выше разнообразие восприятий Клайпеды, характерное для советской эпохи, в контексте городов бывшей Восточной Пруссии не было уникальным. Взаимоотношение между восприятиями города в рамках советской идеологии, всесоюзного патриотизма, национальных культур и локального своеобразия так или иначе складывалось и в других ее городах. Литовское (национальное) восприятие Клайпеды обосновывалось значениями, связанными с литуанизированной концепцией Малой Литвы, подобно польскому восприятию Ольштына, которое обосновывалось значениями, связанными с полонизированной концепцией Вармии и Мазурии. Когда-то «чуждое» архитектурное наследие со временем стало одним из стимулов познания довоенного городского прошлого и ощущения своеобразия в рамках СССР не только в Клайпед, но и, например, в Калининграде. Все же, видимо, особенностью Клайпеды в данном контексте следует считать расстановку сил, которая сложилась в городе на рубеже 1960-х – 1970-х годов, а также способность городского руководства в поисках опоры угодить многим интересам, участвуя в поддержании сразу нескольких восприятий. Именно эта особенность, благоприятно действовавшая на возможность сосуществования разных восприятий Клайпеды одновременно, обусловила специфику трансформаций, произошедших на стыке 1980-х – 1990-х гг. и повлиявших на изменения в постижении города.

Одна из основных трансформаций в этот период была определена началом политики «гласности», вследствие которой партийно-номенклатурная структура постепенно теряла инструменты контроля над содержанием общественного дискурса. В течение 1988–1990 гг. начавшийся в Литве процесс модификации восприятия прошлого был связан с изменениями в соотношении между литовским национализмом и советской идеологией. Укоренилось мнение, что символы, образы и сюжеты национальной культуры следует «очистить» от советской идеологии, особенно от советско-всесоюзных значений, утверждавших советский патриотизм, и такой перемене весьма сопутствовало в конце 1980-х начавшиеся активное познание националистических дискурсов довоенной Литвы и литовской эмиграции. Символическое отмежевание от советской идеологии и советско-всесоюзных значений имело место и в Клайпед. В 1988–1991 гг. здесь были изменены названия таких улиц и площадей как пл. Ленина, ул. М. Горького, ул. Н. Гоголя, ул. Ю. Гагарина, ул. П. Нахимова, ул. Ф. Ушакова, ул. Пятилетки, ул. Советской Армии и т. д. В августе 1991 г. после московского путча был произведен демонтаж памятников Ленину и Победе, которые с осени 1990 г., когда горсовет принял соответствующее решение, охранялись вооруженными постами местного гарнизона. Также для Клайпеды было характерно восстановление символов государственности Литвы,

таких как Колюмны Гедиминовичей и строки национального гимна, которые в конце 1991 г. были воссозданы на бывшем здании гимназии им. Витаутаса Великого¹⁰⁸.

Все же в данном случае в Клайпеде вновь дала о себе знать традиция восприятия этого города в контексте литуанизированной концепции Малой Литвы. Иначе, нежели в Вильнюсе или Каунасе, в Клайпеде именно общелитовские символы и образы, связанные с Малой Литвой, а не с Великим Княжеством Литовским или довоенной Литвой, в 1988–1991 гг. стали инструментами выражения преобладания литовской национальной культуры. Не случайно первые предложения по изменению названий улиц и площадей в городе основывались на принципе замены советских значений на малолитовские¹⁰⁹. Начиная с 1989 г. легитимация принадлежности Клайпедского края к Литве стала вновь обосновываться событиями января 1923 года. Причем эти события интерпретировались на основе их восприятия в довоенном легитимационном сюжете о «восстании» жителей Клайпедского края, их «освобождении» из-под немецкого ига, невзирая на факт, что в 1988–1991 гг. уже было известно большинство источников, позволявших воспринимать этот сюжет критически. Утверждение литуанизированной концепции Малой Литвы также нашло свое выражение и в идее воздвигнуть памятник Мартинасу Мажвидасу, причем в той интерпретации последнего, которая была утверждена как раз в советский период («автор первой литовской книги», т. е. общелитовский символ). В 1992 г. утвердилась идея¹¹⁰, что этот памятник, строительство которого было запланировано еще во второй половине 1980-х, следует воздвигнуть не в каком-нибудь другом месте, а вместо снесенного памятника Победе (идея была осуществлена в 1997 г.).

Следует заметить, что гегемонизация литовского восприятия Клайпеды, которая началась в 1988–1991 гг., была обусловлена не только характерными для всей Литвы поисками «настоящего» национального прошлого, вызванного стремлениями отмежеваться от значений советской идеологии. Геополитические перемены в Европе, трансформировавшие прежние сферы влияния и ставившие под сомнение принцип неприкосновенности границ, в 1989–1991 гг. также влияли на подобную гегемонизацию и на периодически возобновлявшиеся попытки обосновать права Литвы на Клайпеду. До осени 1990 г. не было четких гарантий того, в каких границах западная Германия будет стремиться к восстановлению единого государства. Кроме того, сторонники старого режима в СССР начали манипулировать образом «сталинского подарка», утверждая, что якобы все права Литвы на Клайпедский край основаны лишь на доброй воле Сталина, который подарил его именно Литовской ССР, а не Литве в границах 1940 года¹¹¹.

Все же гегемонизация литовского восприятия Клайпеды так и не превратила это восприятие в преобладающее, особенно после 1991 г., когда распад СССР и признание независимости Литвы ослабило усилия утверждения этого восприятия как единственно «правильного».

¹⁰⁸ *Klaipėda*, 1991 11 06, Nr. 217 (13293).

¹⁰⁹ *Sąjūdis Klaipėdoje: dokumentinė knyga*. Sud. ir red. K. KAUKAS. Klaipėda, 1998, p. 35.

¹¹⁰ PETRAUSKAS, B.; ŽALYS, A. Įamžinkime pirmąją lietuvišką knygą – Martyno Mažvydo „Katekizmą“. *Klaipėda*, 1993 01 07, Nr. 3 (13602).

¹¹¹ В апреле 1990 г. официальное обращение к президенту СССР Михаилу Горбачеву по этому поводу принял горсовет народных депутатов, а в мае того же года официальное заявление «Клайпедский край – исконно литовская земля» опубликовала группа местных историков и археологов. См.: *Klaipėdos miesto Liaudies deputatų tarybos pareiškimas Dėl TSRS Prezidento M. Gorbačiovo pasisakymų apie Klaipėdos kraštą*. *Klaipėda*, 1990 04 21, Nr. 90 (12879); ELERTIENĖ, B.; TATORIS, J.; GENIENĖ, Z.; SPRAINAITIS, R.; GENYS, J.; ŽULKUS, V. *Klaipėdos kraštas – sena lietuvių žemė*. *Klaipėda*, 1990 05 03, Nr. 98 (12887).

На самом деле даже в 1988–1991 гг., в течение которых в Литве, с одной стороны, происходило усиленное утверждение символов и образов государственности Литвы и литовской национальной культуры, а с другой – устранение символов и образов всесоюзного патриотизма и советской идеологии, в Клайпеде эти процессы протекали не столь решительным образом. Немалая часть городского руководства, включая председателя исполкома А. Жалиса, уже в 1988 г. встала на сторону реформаторов, заручившись их поддержкой и таким образом оставляя в своих руках хотя бы часть инструментов контроля над ходом перемен – если не административных, то, по крайней мере, основывающихся на их авторитете. Именно поэтому гегемонизация символов и образов, связанных с литуанизированной концепцией Малой Литвы, в Клайпеде не носила характера неожиданности или радикализма. Можно сказать, что в данном случае процесс, начавшийся еще в брежневские времена и уже тогда санкционированный городским руководством, лишь подошел к логическому концу.

Кроме того, как реформаторы, так и городское руководство в ходе перемен 1988–1991 гг. прекрасно понимали, что относительно большую часть населения Клайпеды составляют русскоязычные жители, весьма болезненно реагировавшие на начавшиеся перемены, и что их реакция как в своем содержании, так и в интенсивности во многом зависела от отнюдь не сдержанного поведения командования Клайпедского гарнизона. Поэтому расстановка сил и в данном случае обеспечила отсутствие преобладания радикализма в указанных переменах 1988–1991 гг., происходивших в Клайпеде. Так, несмотря на то, что реформаторские группы актуальную дату «освобождения» Клайпеды в 1989 г. «перенесли» на 15 января (день занятия Клайпеды в 1923 г.), в отношении ежегодной годовщины «освобождения» 28 января (день занятия города в 1945 г.), которая и по сей день отмечается русскоязычными Клайпеды и ветеранами войны, они уже тогда заняли нейтральную позицию¹¹², которую городское руководство лишь поддерживало. Такая позиция, как показали другие факты, даже если и была выражением приспособления к конкретной конъюнктуре, сопутствовала характерному для Клайпеды дальнейшему сосуществованию разных восприятий города и его прошлого. Например, несмотря на уже упомянутые первичные требования реформаторских групп изменить названия улиц, утверждая значения, связанные с Малой Литвой, победу в данном процессе одержало предложение восстановить в старой части города довоенные названия улиц, а не придумывать новые. Такое положение активно поддерживалось именно сторонниками локального восприятия города, связанными с бывшим Институтом консервации памятников, и особенно историком Йонасом Таторисом¹¹³. Правда, восстановление старых названий, опять-таки, учитывая расстановку сил, не предполагало возможности вновь дать улицам некоторые немецкие названия, которые могли вызвать раздражение. Такое же опасение некоторых представителей городской администрации, кстати, проявлялось и в истории восстановления памятника «Анхен из Тарау», посвященного поэту Симону Даху. Все же благосклонное отношение руководства города к этой инициативе общественных организаций Германии, осуществленной в ноябре 1989 г., возобладало. Особенно важно, что эта инициатива также была связана не столько с литуанизированной концепцией Малой Литвы,

¹¹² *Sąjūdis Klaipėdoje...*, p. 156, 162.

¹¹³ Идею восстановить старинные названия улиц в старой части города Й. Таторис, который тогда работал историком в Клайпедском отделении Института консервации памятников и возглавлял секцию по охране памятников в Обществе краеведения, предложил еще в 1983 г.: TATORIS, J. Miestas ir jo istorinis-kultūrinis palikimas. *TK*, 1983 05 15, Nr. 113 (10802). Сравни: TATORIS, J. Gatvėvardžiai – praeities liudininkai. *TK*, 1986 10 15, Nr. 237 (11826); TATORIS, J. Dėl istorinių gatvėvardžių sugrąžinimo ir jų reikšmės. *TK*, 1988 12 11, Nr. 285 (12474).

сколько с локальным восприятием города (правда, связанные с этим попытки литуанизировать С. Даха в городской печати проявлялись¹¹⁴).

Все это показывает, что трансформации 1988–1991 гг. сосуществование разных восприятий города коренным образом все же не изменили. Последние социологические исследования¹¹⁵ также подтверждают, что сложившиеся в советскую эпоху особенности восприятия города, которые были представлены в статье, в разнообразных группах городского населения являются актуальными до сих пор. Кроме того, число общественных групп, которые посредством актуальных для них символов обозначают городские пространства, воплощая общие воспоминания или общий опыт, после 1988–1991 гг. лишь выросло. Возможно, это тоже, в частности, связано с многообразием и сосуществованием разных способов восприятия Клайпеды, корни которых – в советской эпохе.

Список использованных исследований

- BACEVIČIUS, Egidijus. Nežinoma „Žvejo“ skulptūros istorija. *Mokslas ir gyvenimas*, 2008, Nr. 7 (597), p. 18–19.
- BRANDENBERGER, David. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge (Mass.), 2002.
- BRANDENBERGER, David; DUBROVSKY, Aleksandr. 'The People need a Tsar': The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941. *Europe-Asia Studies*, 1998, Vol. 50, No. 5, p. 873–892.
- CHRISTOPHE, Barbara. *Staat versus Identität: zur Konstruktion von „Nation“ und „nationalem Interesse“ in den litauischen Transformationsdiskursen von 1987 bis 1995*. Köln, 1997.
- MAČIULIS, Dangiras. Lietuvių kolektyvinės atminties vaizdiniai sovietinėje propagandoje Sovietų Sąjungos-Vokietijos karo metu. *Lietuvos istorijos metraštis*, 2010/2. Vilnius, 2011, p. 93–112.
- MARTIN, Terry. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca and London, 2001.
- MISIUNAS, Romuald J.; TAAGEPERA, Rein. *The Baltic States. Years of Dependence, 1940–1980*. Berkeley, Los Angeles, 1983.
- RIEGL, Alois. The Modern Cult of Monuments: Its Character and Its Origin [1903]. *Oppositions*, 1982, Vol. 25, pp. 21–51.
- SAFRONOVAS, Vasilijus. Antrojo pasaulinio karo įvykiai Rytų Prūsijoje Klaipėdos krašto ir Kaliningrado srities atminimo kultūroje. In *Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės išvalgos* (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XVIII). Sud. A. L. ARBUŠAUSKAITĖ. Klaipėda, 2009, p. 87–108.
- SAFRONOVAS, Vasilijus. Bandytas formuoti alternatyvą: lietuviškojo didžiojo istorinio pasakojimo aktualizavimas Prūsijos Lietuvoje XIX–XX amžių sandūroje. In *Daugiareikšmės tapatybės tarpuerdvėse: Rytų Prūsijos atvejis XIX–XX amžiais* (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XXIII). Sud. V. SAFRONOVAS, N. STRAKAUSKAITĖ, L. MOTUZIENĖ. Klaipėda, 2011, p. 69–103.
- SAFRONOVAS, Vasilijus. Prarastoji Klaipėda. 1944–1969 metai. In DEMERECKAS, Kęstutis; SAFRONOVAS, Vasilijus. *Klaipėda, 1945–1965...: fotoalbumas*. Klaipėda, 2010, p. 6–39.
- SAFRONOVAS, Vasilijus. Die Tilsiter Akte und der „Aufstand“ als Symbole des Legitimationsmythos. *Annaberger Annalen*, 2009, Nr. 17, S. 5–40.
- SIMON, Gerhard. *Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinistischen Gesellschaft* (Osteuropa und der internationale Kommunismus, Bd. 16). Baden-Baden, 1986.
- STREIKUS, Arūnas. Kierunki polityki pamięci na Litwie sowieckiej. *Politeja*, 2011, Nr. 2 (16), s. 281–307.
- ŠUTINIENĖ, Irena. Daugiakultūrio miesto istorija komunikacinėje tautinių grupių atmintyje: Klaipėdos ir Vilniaus atvejai. In *Nuo Basanavičiaus, Vytauto Didžiojo iki Molotovo ir Ribbentropo. Atminties ir atminimo kultūrų transformacijos XX–XXI amžiuje*. Sud. A. NIKŽENTAITIS. Vilnius, 2011, p. 225–284.
- ŠVEDAS, Aurimas. *Matricos nelaisvėje: sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985 m.)*. Vilnius, 2009.
- TATORIS, Jonas. 1923 m. sukilėlių paminklas Klaipėdoje: istoriniai tyrimai. Klaipėda, 1997.
- TININIS, Vytautas. *Sniečkus. 33 metų valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža)*. 2-oji laida. Vilnius, 2000.
- ŽUKAS, Vladas. Lietuviškos knygos 400 metų sukakties minėjimas. Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: *Knygotyra*, 1988, t. 15 (22), Šaš. 1: Lietuvos knygotyrynė mintis ir jos kūrėjai, p. 85–96.

¹¹⁴ Сммотри, например: STANEVIČIUS, A. Ar sugrįš „Onutė iš Taravos“? *TK*, 1988 05 25, Nr. 120 (12309).

¹¹⁵ ŠUTINIENĖ, I. Daugiakultūrio miesto istorija komunikacinėje tautinių grupių atmintyje: Klaipėdos ir Vilniaus atvejai. In *Nuo Basanavičiaus, Vytauto Didžiojo iki Molotovo ir Ribbentropo. Atminties ir atminimo kultūrų transformacijos XX–XXI amžiuje*. Sud. A. NIKŽENTAITIS. Vilnius, 2011, p. 225–284.

PERPRANTANT RYTŲ PRŪSIJOS MIESTĄ PO 1945 METŲ: SANTYKIS TARP JO SUVOKIMŲ VISASĄJUNGINĖJE, NACIONALINĖJE, LOKALINĖJE REIKŠMIŲ SISTEMOSE. KLAIPĖDOS PAVYZDYS

Vasilijus Safronovas

Klaipėdos universiteto Baltijos regiono istorijos ir archeologijos institutas, Lietuva

Santrauka

Kaip ir kitose buvusios Rytų Prūsijos dalyse, Klaipėdos krašte simbolinio pasisavinimo procesas implikavo kelis vyksmus. Pirma, naujakuriams buvo aktualu suformuoti tikrumo dėl politinės ir socialinės tvarkos nekintamumo jausmą, antra, reikėjo sukurti bendrumą tarp savęs ir savo naujų namų. Straipsnyje parodyta, kokiais būdais to buvo siekiama Klaipėdos mieste. Atsakant į šį klausimą, yra išskiriamos visasąjunginė, nacionalinė (lietuviškoji) ir lokalinė reikšmių sistemos, kurių rėmuose vyko savęs suvokimas ir kurios klaipėdiečiams pokariu siūlė skirtingus būdus suprasti, kas esame „mes“ ir koks yra „mūsų“ santykis su miestu. Tų reikšmių sistemų išskyrimas yra kiek dirbtinis, bet analitiniais tikslais jį atlikti tikslinga, kadangi reikšmių sistemų tarpusavio santykio kaita leidžia suvokti, kaip formavosi ir keitėsi Klaipėdos miesto pasisavinimo strategijos bei kokį tęstinumą jos turi šiandien.

Nacionalinė (lietuviškoji) Klaipėdos miesto pasisavinimo strategija, pradėta taikyti tuoj po Klaipėdos užėmimo 1945 m. sausį, implikavo kūrybišką tarybinės ideologijos ir nacionalistinio diskurso pritaikymą prie vietinio konteksto. Toks pritaikymas, pagal tarpukariu susiformavusią tradiciją, buvo vykdomas naudojant simbolius ir vaizdinius, susijusius su nacionalizuota (t. y. lituanizuota) Mažosios Lietuvos istorija. Pastaroji buvo suvokiama per du pagrindinius siužetus apie „senovės lietuvių“ vieningą kovą prieš Vokiečių ordiną ir apie Mažosios Lietuvos lietuvių pasipriešinimą germanizacijai. Istorinės figūros, susijusios su šiais siužetais, pirmaisiais pokario metais buvo įamžinamos ir Klaipėdoje, tapdamos atpažinimo ženklais, ženklinusiais vietos priklausomumą Mažajai Lietuvai. Šiuo atveju Klaipėdą laikyti sava (lietuvių žeme, tėviške, „mūsų“, „išvaduota“) leido įsitikinimas, kad miestas yra dalis Mažosios Lietuvos, jo siejimas su reikšmėmis, kurios lietuvių atmintyje buvo taikomos šiai išivaizduojamai erdvei. Viena iš nedaugelio pataisų, kuria pokariu reikėjo papildyti lietuviškąją reikšmių sistemą, buvo susijusi su Raudonosios armijos ir TSRS, kaip „išvaduotojų“ ir „draugų“, vaidmenų pripažinimu.

Klaipėdos suvokimas visasąjunginėje reikšmių sistemoje taip pat numatė paiešką sąryšių tarp miesto ir tų reikšmių, kurios buvo laikomos „tarybinėmis“, žiūrint per visasąjunginio patriotizmo prizmę. Pagrindinis skirtumas tarp nacionalinės ir visasąjunginės Klaipėdos pasisavinimo strategijų buvo tas, kad pastaroji nenumatė palaikyti išskirtinę miesto sąsają su lietuvių nacionaline kultūra. TSRS, o ne Lietuvos TSR, turėjo apriboti miesto suvokimo referenciją. Be to, ikitarybinė miesto praeitis čia iš esmės neturėjo reikšmės. Lietuviškojoje miesto sampratoje toji praeitis buvo naudojama vaizduojant 1923–1939 m. periodo tęstinumą ir legitimuojant dabartį šiuo tęstinumu. Tačiau suvokiant miestą visasąjunginėje reikšmių sistemoje, tikrumo dėl jo priklausomumo „mums“ jausmas buvo formuojamas taikant ikikarinės praeities užmiršimo strategiją. Vadovautasi nuostata, kad „neteisingas“ arba „perteklinis“ žinojimas apie praeitį gali sukurti pagrindą abejonėms dėl dabarties. Todėl šiuo atveju tikrumo jausmas buvo palaikomas projekcijomis į ateitį (vadinamąją „šviesiąją ateitį“), o bendrumo jausmas – palaikant mitą apie bendrą kovą tai ateičiai pasiekti bei

pasididžiavimo tarybinės santvarkos pasiekimais jausmą. Pagrindinės ideologinės nuostatos ir praeities vaizdiniai, kuriuos propaguojant buvo konstruojama Klaipėdos gyventojų savivoka TSRS ir visasąjunginio patriotizmo rėmuose, buvo: a) „tautų draugystės“ dogma, teigusi internacionalizmo būtinybę, bet kartu rusų liaudies ir jos kultūros pirmumą; b) Komunistų partijos vadovaujančio vaidmens pripažinimas; c) darbo, gamybos laimėjimų ir progreso kultas; d) Klaipėdos miesto išvadavimo ir pergalės „Didžiajame tėvynės kare“ siužetai.

Taikant ir nacionalinę, ir visasąjunginę reikšmių sistemas, Klaipėdos vertimas savu miestu vyko integruojant į jas tarybinės ideologijos elementus. Tačiau tarybinės ideologijos aiškinimą prieš karą jau buvo monopolizavęs visasąjunginis patriotizmas su jam būdinga „tautų draugystės“ dogma. Todėl bandymai aiškinti šią ideologiją Lietuvoje savaip, integruojant ją su lietuvių nacionalinės kultūros simboliais, tapo problema. Tokie bandymai 5–6-ojo dešimtmečių sandūroje buvo nuslopinti, kadangi kuriant legitimuojantį diskursą vis svaresnį vaidmenį ėmė vaidinti nelietuviakalbiai kadrai, atsiųsti į Lietuvą iš įvairių TSRS regionų ir neturėję sąsajų nei su komunistų veikla ikikarinėje Lietuvoje, nei su Lietuva ar Klaipėda apskritai. Tai palietė ir Klaipėdą, kur apie 1947–1948 m. tarp lietuviškosios ir visasąjunginės reikšmių sistemų įtvirtinimo išryškėjo tam tikri konkurencijos elementai. Spaudimas diegti visasąjunginį patriotizmą, užtikrinant diskurso „sterilumą“ ir nepripažįstant jokių alternatyvų, Lietuvoje ir Klaipėdoje buvo susijęs su TSRS įsitvirtinimu užimtose Rytų Europos erdvėse ir Rytų bei Vakarų blokų izoliavimusi. Nacionalinė Klaipėdos pasisavinimo strategija tuomet buvo absorbuota ambicijų suvokti šį miestą remiantis tarybinės ideologijos dogmomis, kurios buvo sukurtos ir turėjo reikšmės visasąjunginio patriotizmo rėmuose.

Tačiau tarybinė ideologija Lietuvoje sunkiai pasidavė bandymams įtvirtinti visasąjunginio patriotizmo monopoliją į jos išaiškinimą. 5–6-ojo dešimtmečių sandūroje pasiektas problemos sprendimas, nuslopinant alternatyvius bandymus, buvo laikinas, mat po Stalino mirties Lietuvos TSR vadovybės aplinka vėl aiškiai atsigrėžė į reikšmės, susijusias su lietuvių nacionaline kultūra ir lietuviškąja „revoliucine veikla“ tarpukariu. Tradiciniai Mažosios Lietuvos istorijos siužetai 6-ajame dešimtmetyje buvo visiškai integruoti į oficialiąją „Lietuvos TSR istoriją“. Tai atvėrė kelią, pasisavinant Klaipėdą, vėl taikyti tarybinę-lietuviškąją reikšmių sistemą, ir toks taikymas dažnai buvo suvokiamas kaip alternatyva tarybinei-visasąjunginei reikšmių sistemai. Tiesa, tarp maždaug 1957 ir 1964 m. tarybinės-lietuviškosios reikšmių sistemos palaikymas turėjo būti laikinai suspenduotas, kadangi Lietuvos TSR vadovybės pozicijos, N. Chruščiovo grupuotei įsitvirtinus valdžioje, buvo susilpnėjusios. Tačiau galimybių sugrįžti prie Stalino epochos slopinimo metodų nebebuvo, todėl 6-ajame dešimtmetyje žengtais žingsniais atšaukti kūrybinei Lietuvos terpei padarytą poveikį galimybės nebūta.

Klaipėdoje bandymas pasinaudoti naujai sankcionuota tarybine-lietuviškąja reikšmių sistema, priešpriešinant ją tarybinei-visasąjunginei, pirmiausia buvo atlieptas vietos kraštotyrininkų. Pasinaudodami galimybe peržengti 1945 m. slenkstį, jau 6-ajame dešimtmetyje jie ėmė tirti vadinamąją Klaipėdos „revoliucinę praeitį“, t. y. komunistų veiklą tarpukariu. Tačiau susidomėjimas šia veikla turėtų būti traktuojamas kaip priedanga simboliams ir vaizdiniams, susijusiems su Mažosios Lietuvos praeitimi, aktualizuoti. Apie tai byloja ir būdas, kuriuo 1957–1958 m. buvo pateiktos iniciatyvos Klaipėdoje įrengti Kristijono Donelaičio ir Herkaus Manto paminklus. Tas būdas parodo strategijos, kuri vėliau buvo naudojama visą tarybinį laikotarpį, esmę. Reikėjo priimti žaidimo taisykles ir adaptuotis prie tarybinės-visasąjunginės praeities sampratos, bet kartu reikėjo suprasti, kad tarybinė ideologija gali būti suvokiama siejant ją ne tik su visasąjunginiu patriotizmu, bet ir su lietuvių nacionaline kultūra. Šios strategijos sankcionavimas ir konkretūs Lietuvos TSR vadovybės

veiksmai ją vykdant skatino grįžti į normalumo ribas sampratą, kad Klaipėdą galima suvokti lietuvių nacionalinės kultūros reikšmių sistemoje.

Tačiau norint įtvirtinti tokią sampratą Klaipėdos viešojo bendravimo erdvėje, reikėjo a) palaikymo partinėje-nomenklatūrinėje struktūroje, kuri kontroliavo tos erdvės turinį; b) Klaipėdos gyventojams patekti į socialinius tinklus, kuriuose būtų palaikomos reikšmės, susijusios su tokia Klaipėdos samprata. Abi šios sąlygos buvo pasiektos vykstant keliems procesams, kuriuose svarbų vaidmenį suvaidino ir Lietuvos partinė vadovybė. Visą tarybinį laikotarpį vyko Klaipėdos partinės organizacijos lituanizacija, taigi vis daugiau lietuvių pateko į struktūrą, kuri buvo atsakinga už tarybinės ideologijos palaikymą. Vyko ne tik partinės organizacijos, bet ir nomenklatūros lituanizacija (vykdant vadinamąją „nacionalinių kadru“ iškėlimo politiką), o nomenklatūra buvo atsakinga už viešojo bendravimo erdvės turinį ir jo kontrolę. Vykstant galios žaidimams partiniame ir nomenklatūriniame aparate, augo kadru prisitaikėliškumas prie konjunktūrinių pokyčių ir suvokimas, kad skirtingose situacijose galima paremti skirtingo turinio veiksmus, kurie nebūtinai atspindi jų pačių įsitikinimus. Galiausiai keitėsi kokybinė Klaipėdos gyventojų sudėtis. 7–8-ojo dešimtmečių sandūroje šiame darbininkų mieste, stokojusiame intelektualinio potencialo, miesto vadovų iniciatyva, palaikoma Lietuvos TSR vadovybės, buvo įsteigta humanitarinio profilio Lietuvos aukštųjų mokyklų filialų, o į patį miestą atsikėlė ne tik jų dėstytojų ir studentų, bet ir dailininkų, architektų, paminkloaugininkų ir kt. asmenų. Šis pokytis reiškė, kad lietuvių nacionalinės kultūros reikšmių, susietų su tarybine ideologija ir Mažosios Lietuvos praeities siužetais, aktualizavimas Klaipėdoje dabar galėjo būti remiamas ne tik miesto vadovybės. Mieste susidarė komunikacijos terpė, kurioje Klaipėda buvo suvokiama tapatinant ją su Mažąja Lietuva. Su Mažosios Lietuvos praeitimi susiję siužetai, simboliai ir vaizdiniai, kokie jie buvo vaizduojami tarybinėje-lietuviškojoje reikšmių sistemoje, 8–9-uosiu dešimtmečiais tapo įprastais pasakojimo apie miesto praeitį įrankiais ne tik vietinių kraštotyrininkų diskurse. Simbolių ir vaizdinių, kuriuos siūlė lituanizuota Mažosios Lietuvos praeities samprata, aktualizavimas tapo priimtinas kur kas platesniu mastu kaip tam tikra Klaipėdos savitumo išreiškimo forma.

Tačiau gerokai labiau Klaipėdos savitumas ir originalumas buvo išreikštas lokalinėje reikšmių sistemoje, pradėjusioje formuotis 8-ajame dešimtmetyje. Skirtingai nei tarybinė-lietuviškoji Klaipėdos samprata, kuri implikavo tapatinimąsi su lietuvių nacionalinės kultūros elementais, susijusiais su Mažąja Lietuva ir su tarybine ideologija, Klaipėdos suvokimas lokalinėje reikšmių sistemoje vyko tapatinantis su materialiais kultūrinio palikimo objektais, ir tas tapatinimasis nereikalavo taikyti ideologines nuostatas ar kultūrinės konvencijas. Kultūrinio palikimo pažinimas 7–8-ojo dešimtmečių sandūroje Klaipėdoje prasidėjo ir toliau vyko kaip nuolatinis procesas. Lokalinis miesto suvokimas nesirėmė paruoštais simboliais, reikšmėmis ir vystymosi schemomis, kurios buvo būdingos tarybinei-lietuviškajai ir tarybinei-visasąjunginei miesto sampratoms, tad jam reikėjo gyvo ir nuolatinio miesto gyventojų domėjimosi palikimu bei miesto praeitimi. Pažinimas jiems buvo siūlomas ne kuriant baigtinį naratyvą, kurį būtų galima perskaityti vieną kartą, bet lekcijomis, pranešimais ir straipsniais miesto spaudoje, kuriais siekta domėjimąsi stimuliuoti nuolat. Tokiuose veiksmuose didelį vaidmenį vaidino profesionalai – istorikai, archeologai, menotyrininkai, architektai ir Kraštotyros draugijos nariai, kurių daugelis į Klaipėdą atvyko taip pat 7–8-ojo dešimtmečių sandūroje.

Dėmesys buvusios Rytų Prūsijos kultūros palikimui Klaipėdoje ir jo unikalumo Lietuvos kontekste sampratos palaikymas neatsirado savaime. Architektūrinis Klaipėdos palikimas pagal „nebylų susitarimą“ nustojo būti traktuojamas kaip „vokiškas“ ir jo savitumas Lietuvos kontekste

perprastas dėl 7-ajame dešimtmetyje įvykusių pokyčių. Pirma, 6-ojo dešimtmečio antrojoje pusėje Klaipėdos erdvinė išvaizda ėmė intensyviausiai keistis, o tie pokyčiai pagaliau leido pajusti, kad prasidėjo naujos, socialistinės, Klaipėdos statyba. Tai savo ruožtu skatino mintį, kad viso, kas sena, t. y. nepatogu, nepraktiška ir pasenę, galima atsikratyti. Pirmiausia tai palietė senąsias Klaipėdos bažnyčias, kapines ir kelis šimtus namų, kurie buvo intensyviai griunami 6-ojo dešimtmečio antrojoje pusėje ir 7-ajame dešimtmetyje. Bet 7-ojo dešimtmečio viduryje Lietuvos architektų bendruomenėje jau atsirado abejonių dėl visuotinio funkcionalizmo taikymo architektūroje ir dėl serijinės statybos prioriteto. Užgimė siekiai, prisitaikant prie limitų ir tarybinės statybinių medžiagų pasiūlos, rasti originalesnių architektūrinės išraiškos būdų, kurių paieškos, be kita ko, reiškė ir bandymus atrasti vietinių architektūros tradicijų ir atkurti sąsajas su jomis. Būtent tuo metu Vilniuje ir Kaune išsilavinimą gavusių architektų ir šiuose miestuose dirbusių restauravimo dirbtuvių darbuotojų aplinkoje buvo atkreiptas dėmesys į Klaipėdos senojo užstatymo ypatingumą bei į faktą, kad daugybė to ypatingumo elementų naikinama. 1969 m. Klaipėdos senamiestį ir pilies liekanas paskelbus paminklais, įkūrus mieste pagrindines paminklo saugos institucijas, susidarė galimybės keistis ir Klaipėdos suvokimui.

Savito Klaipėdos suvokimo susiformavimą lokalinėje reikšmių sistemoje lėmė ne tik miesto ir pavienių jo architektūros ir urbanistinių elementų tyrimai, kuriuos buvo pradėta vykdyti 1969 m. įkurtame Paminklų konservavimo institute Klaipėdos skyriuje. Pats architektūrinis palikimas buvo paverstas medija, reprezentuojančia miestą ir jo praeitį. 8-ajame dešimtmetyje kompleksiskai regeneruoti pradėtų Klaipėdos kultūros paveldo objektų kasdienis lankymas skatino supratimą, kad be tarybinės Klaipėdos su jai būdingais serijinės statybos namais, kuriuose visi butai buvo suplanuoti vienodai ir netgi apstatyti vienodais baldais, dar egzistavo senoviška Klaipėda, išsiskyrusi savitumu, „senovine“ architektūra ir kukliomis puošybos detalėmis. Žinoma, būtent savita ir originali, o ne serijinė ir tipinė miesto dalis pamažu tapo viso miesto reprezentacija. Tad didžiausios reikšmės architektūros palikimo regeneravimas įgijo būtent sukuriant naują simbolį, kurio savitumas leido suvokti miestą kitų miestų, pirmiausia Lietuvos, kontekste. Lokalinė reikšmių sistema skatino atsisakyti sampratos, kad klaipėdiečiai yra „tokie patys, kaip visi“, kuri taip ilgai buvo įtvirtinama anksčiau. Senosios miesto dalies „senoviškumas“ ir ypatumas nurodė į Klaipėdos savitumą kur kas akivaizdžiau nei Klaipėdai pritaikytos ideologinės nuostatos ar nacionalinės kultūros reikšmės. Šiuo požiūriu lokalinė miesto samprata buvo „supaprastinta“, nereikalavusi pažinti reikšmių, pretendavusių sutelkti visus, o daug labiau orientuota į žmonių polinkį į individualizmą, savitumo paieškas ir siekius išsiskirti iš masių. Tas pokytis atitiko laikotarpį, kai išaugo pirmoji pokarinė karta su jai būdingomis pretenzijomis į individualų savitumą.

Taigi jau 7–8-ojo dešimtmečių sandūroje dėl Klaipėdos vadovybės taikytos lanksčios politikos ir objektyvaus galių santykio, su kuriuo reikėjo skaitytis, atsirado galimybės viešai koegzistuoti bent dviem Klaipėdos suvokimo palaikymo būdams tarybinėje-visasajunginėje ir tarybinėje-lietuviškojoje reikšmių sistemose. Per 8-ąjį dešimtmetį tas dvi galimybes labai papildė miesto lokalinio išskirtinumo suvokimas, pirmiausia vykęs per sąlytį su kultūros palikimu ir per miesto praeities pažinimą. Šių Klaipėdos suvokimo būdų koegzistencija, turinti tęstinumą iki šiol, darė įtaką ir 1988–1991 m. pokyčių Klaipėdoje turiniui. Tuo metu Klaipėdos suvokimas Mažosios Lietuvos kontekste viešojo bendravimo erdvėje buvo nuosaikiai hegemonizuotas, jos suvokimas tarybinėje-visasajunginėje reikšmių sistemoje tik iš dalies marginalizuotas, o miesto savitumo pojūtis per kultūros paveldą tapo tik dar aktualesnis.

COMPREHENDING THE EAST PRUSSIAN CITY AFTER 1945: CORRELATION BETWEEN ITS PERCEPTIONS IN ALL-UNION, NATIONAL, LOCAL SYSTEMS OF MEANINGS. THE CASE OF KLAIPĖDA

Vasilijus Safronovas

Institute of Baltic Sea Region History and Archaeology at Klaipėda University, Lithuania

Summary

Just like in the rest of the territories of the former East Prussia, the course of symbolical appropriation in Klaipėda Region implied several processes. First, it was topical for the newcomers to form the sense of permanence of the political and social order; second, the community between themselves and their new home was to be created. The article shows the ways of the achievement of the said goals in the city of Klaipėda. In the answering to the question, the all-Union, national (Lithuanian), and local systems of meanings were distinguished, in the framework of which the self-consciousness process took place and which offered Klaipėda residents different ways for understanding who “we” were and what was “our” relationship with the city. The identification of the said meanings is somewhat artificial, however, necessary for analytical purposes, as the change in the interrelationships of the systems of meanings enable one to understand how the strategies of appropriation of the city of Klaipėda were forming and changing and what their continuity is at present.

The national (Lithuanian) strategy of Klaipėda City appropriation, which was first applied immediately after Klaipėda’s occupation in January 1945, implied creative adjustment of the Soviet ideology and a nationalist discourse to the local context. The adjustment, in accordance with the tradition formed in the interwar period, was implemented by means of symbols and images related to the nationalized (i.e. Lithuanianized) history of Lithuania Minor. The latter was comprehended by means of two principal themes: of the united battle of “ancient Lithuanians” against the Teutonic Order and the resistance of Lithuanians of Lithuania Minor to Germanization. Historical figures related to the themes were perpetuated in Klaipėda in the first postwar years and became symbols marking the belonging of the place to Lithuania Minor. In the said case, Klaipėda could be thought of as a Lithuanian land (homeland, “our own”, “liberated”) due to the belief that the city belonged to Lithuania Minor and due to relating it to the meanings which in the memories of Lithuanians were applied to that imaginary space. One of a few amendments, which was to be added to the Lithuanian system of meanings, was related to the recognition of Red Army and the USSR in the roles of “liberators” and “friends”.

The comprehension of Klaipėda in the all-Union system of meanings provided for the search of interrelations between the city and the meanings considered to be “Soviet” ones when seen through the prism of all-Union patriotism. The principal difference between the national and the all-Union strategies of Klaipėda appropriation was the failure of the latter to plan the support to the exclusive relationship of the city and Lithuanian national culture. The USSR, and not the Lithuanian SSR, had to restrict the city comprehension reference. Moreover, the pre-Soviet past of the city essentially did not matter. In the Lithuanian understanding of the city, the said past was used in the portrayal of the continuity of the period of 1923-1939 and in the legitimating the present by that continuity. However, in the comprehension of the city in the all-Union system of meanings, the feeling of its belonging to “us” was formed by applying the strategy of forgetting the prewar past. The “wrong”

or “redundant” knowledge about the past was believed to be able to result in raising doubts about the present. Therefore, in the said case, the feeling of permanence was maintained by projections to the future (or the so-called “bright future”), and the feeling of community, by supporting the myth of the common struggle to create the said future and the feeling of pride in the achievements of the Soviet power. The principal ideological attitudes and the images of the past by whose promotion the self-consciousness of Klaipėda residents was construed in the framework of the USSR and the all-Union patriotism were: a) the dogma of the “friendship of the peoples” which justified the necessity of internationalism, however, simultaneously, the superiority of the Russian folk and its culture; b) the recognition of the leading role of the Communist Party; c) the cult of labour, production achievements, and progress; and d) the plots of liberation of Klaipėda City and the victory in the “Great Patriotic War”.

With the application of both the national and all-Union systems of meaning, the transformation of Klaipėda into “our own” city took place by integrating the elements of Soviet ideology into them. However, the explanation of Soviet ideology before the war was monopolised by the all-Union patriotism, with the dogma of the “friendship of the peoples” typical of it. Therefore, the attempts to explain the ideology in Lithuania in a different way, by merging it with the symbols of Lithuanian national culture, turned into a problem. These attempts were suppressed at the turn of the 40s and 50s, as in the creation of the legitimating discourse an increasingly more significant role was played by non-Lithuanian speaking cadres sent to Lithuania from different regions of the USSR who did not have any relation either with the communist activity in prewar Lithuania or with Lithuania or Klaipėda at large. That was also relevant for Klaipėda, as, around 1947 to 1948, certain elements of competition emerged in the inculcation of the Lithuanian and the all-Union systems of meaning. The pressure to inculcate all-Union patriotism by ensuring the “sterility” of the discourse and rejecting any alternatives in Lithuania and Klaipėda were related to the USSR taking root in the occupied spaces of Eastern Europe and the isolation of the Eastern and Western blocks. The national Klaipėda appropriation strategy at the time was absorbed by the ambitions to comprehend the city on the basis of the Soviet ideology dogmas which had been created and had meanings in the framework of all-Union patriotism.

However, the Soviet ideology in Lithuania hardly yielded to the attempts to establish the all-Union patriotism monopoly in its interpretation. The solution to the problem arrived at at the turn of the 40s and 50s by suppressing alternative attempts was temporary, as after Stalin’s death the environment of the government of Lithuanian SSR again turned towards the meanings related to Lithuanian national culture and the Lithuanian interwar “revolutionary activity”. Traditional historical plots of Lithuania Minor in the 50s were finally integrated into the official history of the Lithuanian SSR. In the appropriation of Klaipėda, that meant an open way to the application of the Soviet-Lithuanian system of meanings, which was frequently understood as an alternative to the Soviet-all-Union system of meanings. True, in approximately 1957 to 1964, the maintenance of the Soviet-Lithuanian system of meanings had to be temporarily suspended, as after N. Khrushchev’s faction had come to power, the positions of the government of the Lithuanian SSR weakened noticeably. However, no efforts were made to come back to the suppression methods of Stalin’s epoch, therefore, it was impossible to call off the impact made on the creative milieu in Lithuania by the steps made in the 50s.

In Klaipėda, an attempt to make use of the newly-sanctioned Soviet-Lithuanian system of meanings by opposing it to the Soviet-all-Union one was first reflected in local regional studies. By exploiting the possibility to overstep the threshold of 1945, as early as in the 50s, the studies of

the so-called “revolutionary past” of Klaipėda, i.e. the communist activity in the interwar period, began. However, the interest in the said activity should be understood as a cover for the actualization of symbols and images related to the past of Lithuania Minor. That is witnessed by the way of presenting initiatives to erect monuments to Kristijonas Donelaitis and Herkus Mantas in Klaipėda in 1957-1958. The way reveals the essence of the strategy applied over all the Soviet period. One had to accept the rules of the game and to adjust to the Soviet-all-Union conception of the past, however, simultaneously one had to understand that Soviet ideology could be understood not only by relating it to the all-Union patriotism, but also to the Lithuanian national culture. The sanctioning of the said strategy and specific actions of the government of the Lithuanian SSR in its implementation promoted the return to the conception that Klaipėda could be understood in the system of meanings of Lithuanian national culture.

However, to establish the concept in Klaipėda’s public communication space, two conditions were necessary: a) the support of the party-nomenclature structure which controlled the content of that space; and b) the involvement of Klaipėda’s population in social networks that would support the meanings related to the said conception of Klaipėda. Both the conditions were satisfied through several processes where an important role was played by the leadership of the Lithuanian Communist Party. The Lithuanization of the Communist Party organization in Klaipėda was taking place all over the Soviet period, therefore, increasingly more Lithuanians were getting into the structure responsible for the maintenance of the Soviet ideology. The Lithuanization not only of the party organization, but also of the nomenclature was taking place (due to the so-called “national staff” promotion policy); and the nomenclature was in charge of the content of the public communication space and its control. In the context of power games in the party and the nomenclature apparatus, the cadres increasingly more frequently conformed to the political situation and understood that in different situations it was possible to support actions of different contents which did not obligatorily reflect their own beliefs. Finally, the qualitative composition of Klaipėda’s population was changing. At the turn of the 60s and 70s, in the city of blue collars lacking any intellectual potential, on the initiative of the heads of the city supported by the authorities of the Lithuanian SSR, divisions of Lithuanian higher schools in the field of the humanities were established, and their teachers and students, as well as artists, architects, monument protection specialists, and other specialists, arrived in the city. The said change meant that the actualization of the meanings of Lithuanian national culture related to Soviet ideology and the plots of the past of Lithuania Minor in Klaipėda could be supported not merely by the heads of the city. In the communication milieu formed in Klaipėda, the city was comprehended by identifying it with Lithuania Minor. The plots, symbols, and images related to the past of Lithuania Minor, as used in the Soviet-Lithuanian system of meanings, in the 70s-80s turned into the usual tools of the tales of the past of the city, and not merely in the local discourse of regional studies. The actualization of symbols and images suggested by the Lithuanized conception of the past of Lithuania Minor as a kind of form of expression of the uniqueness of Klaipėda became acceptable at a much larger scale.

Simultaneously, the uniqueness and originality of Klaipėda was much better expressed in the local system of meanings that started to form in the 70s. Differently from the Soviet-Lithuanian conception of Klaipėda that implied identification with the elements of the Lithuanian national culture and with Soviet ideology, the comprehension of Klaipėda in the local system of meanings was taking place by means of identification with material objects of cultural heritage, and the identification did not require the application of ideological provisions or cultural conventions. The

process of the acquaintanceship with cultural heritage started at the turn of the 60s and 70s and proceeded as a continuous process. The local comprehension of the city was not based on ready-made symbols, meanings, and development schemas that were characteristic of the Soviet-Lithuanian and Soviet-all-Union comprehensions of the city, therefore, they needed live and ongoing interest of the city residents in the heritage and the past of the city. The acquaintanceship was offered to them not by creating a finite narrative to be read once, but by lectures, presentations, and articles in the city periodicals that sought to stimulate continuous interest. An important role in the activities was played by professionals: historians, archaeologists, art scientists, architects, and members of the Regional Study Society, most of whom also arrived in Klaipėda at the turn of the 60s and 70s.

The attention to the heritage of East Prussian culture in Klaipėda and the maintenance of the conception of its uniqueness in the context of Lithuania did not appear spontaneously. The architectural heritage of Klaipėda ceased to be regarded as “German” by “tacit agreement”, and its uniqueness in the context of Klaipėda was comprehended due to the changes that took place in the 60s. First, in the second half of the 50s, the spatial appearance of Klaipėda started to change intensively, and the changes made one understand that the construction of a new, socialist, Klaipėda started. That, in turn, encouraged the idea that everything that was old, i.e. inconvenient, impractical, and outdated, could be given up. First of all, it related to the old Klaipėda cemeteries, churches, and several hundred houses that were intensively demolished in the second half of the 50s and in the 60s. However, in the mid-60s, doubts were raised in the Lithuanian architect community about the general application of functionalism to architecture and the priority of the standard construction. Aspirations were born to find more original ways of architectural expression by adjusting to the limits and supply of Soviet construction materials; the search for new ways, among other things, meant attempts to identify the traditions of local architecture and to reconstruct links with them. It was at that time that the attention of the architects trained in Vilnius and Kaunas and of specialists of restoration workshops in the said cities was attracted by the specificity of planning of Klaipėda Old City and the fact that a lot of elements of the specificity were destroyed. In 1969, after Klaipėda Old City and the remains of the Castle were declared monuments and after the principal institutions of monument preservation were established in the city, conditions were created for changes in the comprehension of Klaipėda.

The formation of unique comprehension of Klaipėda in the local system of meanings was determined not merely by the studies of the city and its individual architectural and urbanist elements that started in Klaipėda branch of the Monument Conservation Institute established in 1969. The very architectural heritage was turned into a medium representing the city and its past. Daily visiting of the objects of Klaipėda cultural heritage whose complex regeneration started in the 70s promoted understanding that, beside Soviet Klaipėda with its typical standard construction houses with the flats of uniform planning and even furnished with uniform furniture, an ancient Klaipėda existed, standing out by its uniqueness, “ancient” architecture, and modest decoration elements. Naturally, it was the unique and original, and not the standard and typical, part of the city that started to represent it. Therefore, the regeneration of the architectural heritage acquired the greatest significance by creating a new symbol whose uniqueness enabled the understanding of the city in the context of other cities, and primarily Lithuanian ones. The local system of meanings enabled the rejection of the conception that Klaipėda people were “the same as the rest” that had been promoted before. The “antiquity” of the Old City and its specificity brought out Klaipėda’s uniqueness much more obviously than the ideological provisions adjusted to Klaipėda or the meanings of the

national culture. In that respect, the local conception of the city was a “simplified” conception that did not require the knowledge of the meanings aspiring to rally everybody; it was rather oriented towards human inclination to individualism, the search for uniqueness, and the aspiration to stand out from the masses. In the period when the first postwar generation grew with its characteristic claims to individual uniqueness, the change was timely.

Thus, as early as at the turn of the 60s and 70s, due to the flexible policies applied by Klaipėda authorities and the objective ratio of powers that had to be taken into account, the possibilities appeared for public co-existence of at least two ways of the maintenance of comprehension of Klaipėda in the Soviet-all-Union and in the Soviet-Lithuanian systems of meaning. Over the 70s, the two possibilities were significantly supplemented by the awareness of the local exclusiveness of the city that was primarily manifested through the contact with the cultural heritage and through the acquaintanceship with the past of the city. The coexistence of the said ways of Klaipėda comprehension, preserving its continuity to the present, affected the content of the changes in Klaipėda in the period of 1988 to 1991. At that time, the comprehension of Klaipėda in the context of Lithuania Minor and in the space of public communication was moderately hegemonized; its comprehension in the Soviet-all-Union system of meanings was only partly marginalized, and the sense of the uniqueness of the city through the cultural heritage became even more topical.